

Всеволод Львович Керов

НАРОДНОЕ ЕРЕТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ БЕГИНОВ ЮГА ФРАНЦИИ И ПЕТР ИОАНН ОЛИВИ

веб-публикация: *Vive Liberta*, 2013

раздел нашей библиотеки,

посвященный истории Средних веков

<http://istmat.info/node/29199>

Различные этапы антикатолической борьбы в разных ее аспектах, как в социальном и политическом, так и в идеологическом, неизменно привлекают внимание историков и философов самых разнообразных направлений. Разумеется, при этом, как мы увидим, высказываются кардинально противоположные оценки, вытекающие из различия идейно-политических позиций авторов.

Одним из интереснейших явлений как западноевропейской истории вообще, так и истории католицизма и антикатолической борьбы в частности является движение бегинов юга Франции, развернувшееся на рубеже XIII—XIV вв. Интерес к этому движению обуславливается характерным для него переплетением самых разнообразных черт, взаимовлиянием различных социальных, политических и идеологических факторов. Достаточно, например, сказать, что связанная с изучением характера указанного движения проблема соотношения стихийности и сознательности является одной из важнейших при анализе классовых выступлений народных масс в феодальную эпоху, особенно еретических движений.

Важно определить различные этапы в развитии антифеодальной идеологии, на которое неизменно оказывает влияние антикатолическая борьба¹.

Буржуазная историография уделяла изучению деятельности бегинов, или, иначе, бегардов, большое внимание. Однако она так и не сумела, как мы увидим, правильно и до конца определить их место в сложной и противоречивой обстановке, характерной для французского общества указанного периода, их роль в социальной и политической истории страны, в развитии прогрессивных идейных течений. Это определяет необходимость анализа движения бегинов с позиций марксистско-ленинской методологии, на основе достижений советской историографии.

Различные религиозные группы и секты, члены которых назывались бегинами (женщины назывались бегинками), или бегардами, или фратичеллами, иногда лоллардами, встречались начиная с XII и вплоть до XV в. во многих странах Западной Европы: в Южных Нидерландах, в германских областях, во Франции (как на севере, так и на юге), Италии, Австрии и Богемии. Однако социальный состав этих групп, характер их деятельности различались, и довольно значительно, в зависимости от времени и района их появления и распространения.

¹ См. В. Л. Керов. Выступление на научной сессии... — «Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма». М., 1969, стр. 180—183.

Бегины впервые появились в Южных Нидерландах — провинции Намюр и других — в конце XII в.² Существуют различные точки зрения по вопросу о происхождении терминов «бегины», «бегинаж».

Одни авторы связывают появление этих терминов с именем организатора первых общин бегингов в Льеже — Ламбера де Бега [Lambert le Begue (Begah)]. Другую точку зрения высказал бельгийский историк Алкантара Менс³. По его мнению, бегины («begini») южнонидерландских провинций стали называться так из-за своей одежды, сшитой из грубой шерстяной ткани натурального серо-коричневого цвета. Этот оттенок назывался «bege». Отсюда французское слово для обозначения этого цвета — «beige» (беж). Менс далее пишет, что синонимом слова «бегин» на юге Франции было выражение «bis» (коричневато-серый) или «biset». Точно так же в Италии термин «бегин» звучал как «bizosso» (от «bizo» или «bigie» — цвет серый или беж). Отметим, правда, что существуют и другие точки зрения на происхождение слова «бизокки». Его выводят от «bisaccia» — сумá. Иначе говоря, бизокки — это «люди с сумой нищего»⁴.

Более того, Менс считает, что сам Ламбер из Льежа получил приставку к своему имени («li beges») не потому, что он был зайкой, как считают некоторые авторы, а потому, что католическое духовенство стало его называть Lambertus beggus.

Менс решительно выступает против попытки вывести происхождение термина «бегины» от слова «альбигойцы» (сторонники этой концепции выводят от слова «al-bigenses» слово «al'beghini»); Менс считает это утверждение недоказанным и противоречащим исторической истине⁵.

И действительно, ведь бегинаж появился впервые там, где об альбигойском движении могли и не знать и, главное, до зарождения этого движения. К тому же первоначально бегины не считались еретиками. Вполне вероятно, что на юге Франции в более позднее время стали произвольно устанавливать связь между названиями двух еретических движений (а именно таким, как мы увидим, и стало движение бегингов или бегардов в Лангедоке). Вместе с тем в последнее время высказывается мнение, что все точки зрения, объясняющие происхождение слова «бегины», имеют равное право на существование⁶. Что касается бегардов, то Альфандери вслед за Мосгеймом считает, что они появились в начале второй четверти XIII в. на территории Бельгии (имея в виду ее нынешние границы), а также в Прирейнской Германии и Северной Франции⁷. Однако, видимо, правильнее сказать, что именно в это время появился термин «бегарды», относящийся к религиозным сектам вообще. Менс считает, что бегинами назывались еретики южных районов Франции, а бегардами — еретики Северной Франции и сопредельных стран. Бегины Юга в противоположность бегардам Севера следовали «идеям иохимизма и апокалиптическим ожиданиям»⁸.

² См.: A. L. C. Mens. Oorsprong en Betekenis van de Nederlandse Begijnen en Begardenbeweging. Anvers, 1947, p. 32—36 etc.; «Histoire spirituelle de la France. Spiritualité du catholicisme en France et dans les pays de langue française des origines à 1914». Paris, 1964, p. 147.

³ A. L. C. Mens. Oorsprong..., p. 418—427; idem. Les béguines et les bégards dans le cadre de la culture médiévale (A propos d'un livre récent).— «Le Moyen Age», N 64, 1958, p. 308—310.

⁴ См.: Cl. Schmitt. Fraticelles.— «Dictionnaire de spiritualité. Ascétique et mystique. Doctrine et histoire» (далее: «DS»), t. V. Paris, 1964, fasc. 37—38, col. 1168—1169; C. Bihlmeyer, H. Tuchle. Histoire de l'église, t. III. L'église des temps modernes. Casterman — Paris — Tournai, 1964, p. 85.

⁵ A. L. C. Mens. Les béguines et les bégards..., p. 309.

⁶ «Histoire spirituelle de la France...», p. 148.

⁷ P. Alphandéry. Les idées morales des hétérodoxes latins au début du XIII siècle. Paris, 1903, p. 8.

⁸ A. L. C. Mens. Les béguines et les bégards..., p. 308. Вместе с тем встречается в сущности не подтверждаемое первоисточниками мнение (имеются лишь отрывочные

Каутский поддерживает, как наиболее вероятную, точку зрения Мосгейма, согласно которой название «бегарды» ведет свое происхождение от старосаксонского слова «beg» — просить милостыню. Иными словами, бегарды — бедняки, нищие, просящие милостыню, как их называли в народе⁹. Их называли также лоллардами от слова «lollen» — петь, бормотать. Менс указывает, что бельгийские и голландские бегарды были больше известны под именем богардов (bogards)¹⁰.

В конце концов слово «бегард» стало синонимом понятия еретик. Некоторые авторы подчеркивают связь бегардов и бегинов с сектой, члены которой называли себя «братья (или сестры) свободного или нового духа»¹¹. Но это утверждение относится прежде всего к немецким бегардам. Эти же авторы отмечают влияние на указанных «еретиков» идей мистика Эккарта, в результате чего им и стали приписываться заблуждения квиетистского и пантеистского толка¹².

Что касается фратичеллов, то, хотя они в первоисточниках часто отождествляются с бегардами, их происхождение носит иной характер. Фратичеллами первоначально стали называться францисканцы-спиритуалы Италии. Буквально слово «фратичеллы» (в итальянском произношении «фратичелли») означает «братья» («fratres»), в законченной формулировке «братья по жизни в бедности» («fratres de paupere vita»)¹³. Но затем фратичеллами стали называться и бегины Италии, а иногда и Южной Франции. В конечном итоге итальянские бегины назывались и бизокками, и фратичеллами. Уже к началу XIV в. термин «фратичеллы», как и «бегарды» или «бегины», стал отождествляться со словом «еретики».

Нищенствующие ордена стремились взять бегинов и бегардов (и фратичеллов) под свое покровительство, с тем чтобы подчинить их своему влиянию.

Многие из указанных еретиков настолько сблизились с францисканцами, что вошли в их так называемый третий орден, объединявший «мирян» («терциариев»).

В соответствии с темой настоящей работы нас интересуют прежде всего бегины Юга Франции. И это вызывает необходимость ответить на вопрос о значении и содержании термина «бегины» в этом районе с помощью первоисточников. Как указывает инквизитор Бернар Ги, бегины Лангедока говорили о себе: «Секта бегинов — это те, кто именует себя братьями-бедняками»¹⁴. Бегины считали себя тесно связанными с «третьим орденом» францисканцев. Они говорили, что «входят в третий орден святого Франциска и поддерживают его». Бегины называли себя также «братьями-бедняками из третьего ордена святого Франциска»¹⁵.

В изданной Балюзием истории авиньонских пап указывается (а из контекста видно, что речь здесь идет в числе прочих и об еретиках Юга Франции), что «бегины, бегарды, фратичеллы, братья покаяния

упоминания подобного рода), что бегины — это члены исключительно женских конгрегаций, а бегарды — это наименование членов таких же общин, но только мужских. См., например, в последние годы: *C. Bihlmeier, H. Tuchle. Histoire de l'église, t. II. L'église de chrétienté. Casterman — Paris — Tournai, 1963, p. 227.*

⁹ *Карл Каутский. Предшественники новейшего социализма, т. 1 Коммунистические движения в средние века. М., 1919, стр. 256* См. также: *I. L. Mosheim Ketzer-geschichte, S. 378*

¹⁰ *A. L. C. Mens. Les béguines et les bégards, p. 307*

¹¹ *См. A. L. C. Mens. Les béguines et les bégards..., p. 308; C. Bihlmeier, H. Tuchle. Op. cit., t. II, p. 298.*

¹² *Ibid., t. III, p. 85.* См. также: *A. L. C. Mens. Les béguines et les bégards..., p. 308.*

¹³ *Cl. Schmitt Fraticelles.— «DS», t. V, vol. 1167—1168.*

¹⁴ «Bequinoium secta, qui fratres Pauperes se appellant» (*Bernard Gui. Manuel de l'Inquisiteur, t. I Paris, 1926, p. 108.*)

¹⁵ *Ibid., p. 108—110.*

третьего ордена пресвятого Франсиска суть различные наименования одних и тех же еретических групп»¹⁶. Следует отметить, что бегины даже внешне стремились походить на нищенствующих монахов. Они носили костюм из очень грубой шерстяной гкани коричневого цвета, с накидкой или без накидки¹⁷.

В начале XIV в., «в последнее время» («modernis temporibus»), как говорит инквизитор, районом широкого распространения бегинов стала Южная Франция — Прованс, Нарбонн, Тулуза¹⁸. Собственно говоря, термин «modernis temporibus» — довольно расплывчат. Но инквизитор уточняет, что еретики «стали замечаться и саморазоблачаться в своих заблуждениях в 1315 году, немного раньше или немного позже, хотя и прежде они многим казались подозрительными»¹⁹.

В течение последующих нескольких лет движение бегинов еще более расширилось. Бернар сообщает также о том, что большое число членов секты обоего пола были уличены как еретики, осуждены и сожжены на костре в 1317 и в последующие годы в различных местах Южной Франции и Каталонии. На Юге Франции в особенности отмечались такие города и районы, как Нарбонн, Капстан, Безье, диоцез Агд, Лодев, район Люнеля (диоцез Магеллон), Каркассон, Тулуза, Марсель, Памье²⁰ и т. д.

Бегины, бегарды, фратичеллы привлекали пристальное внимание хронистов и историков еще со времен средневековья. Плюке в своем «Словаре ересей...», опубликованном в 1762 г.²¹, писал о бегардах XIV в. (судя по изложению Плюке, он называет этим словом бегардов и бегинов самых различных областей) прежде всего как о религиозных сектантах: «Эти люди, стремясь к совершенству, создали общество, члены которого любят друг друга более нежно, чем обычные люди... Все эти группы мужчин и женщин образовали секты бегардов, братцев (frérots), духовных братьев, последователей апостолов (des apostoliques), дульцинистов (dulcinistes), самобичевателей (flagellants), скоморохов (turlupins)»²².

Однако из последующего описания Плюке выясняется, что в его представлении основу объединения бегардов (бегинов) составляла не только «нежная любовь», но и определенные социальные и политические мотивы: «Сектанты нападали на власть, которая их громила, обрушивала на них удары, они различали две церкви: одну всецело внешнюю, постороннюю, чуждую [по отношению к душе. — В. К.], владеющую поместьями и привилегиями. В сей церкви, говорили сектанты, главенствуют папа и епископы, исключаяющие из оной тех, кого они отлучают; но есть церковь

¹⁶ В тексте говорится: «...Begardi illi dicebantur etiam Beguini, Fratricelli, vel fratres de poenitentia de tertio ordine beati Francisci» (Stephanus Baluzius, Vitae paparum Avenionensium, hoc est historia pontificum romanorum qui in Gallia Sederunt ab anno Christi MCCCIV usque ad annum MCCCXCIV, t. 1. Parisius, 1693, p. 599).

¹⁷ См.: Bernard Gui Op. cit., t. I, p. 108.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ «Ceperunt autem manifestari et detegi in suis opinionibus erroneis circa annum Domini MCCCXV, paulo plus minusve, quamvispius suspecti communiter a pluribus haberentur» (ibidem).

²⁰ Ibid., p. 108, 110, 116, 154.

²¹ «Dictionnaire des hérésies, des erreurs et des schismes, ou mémoires, pour servir à l'histoire des égarements de l'esprit humain par rapport à la religion chrétienne; précédé d'un discours dans lequel on recherche quelle a été la religion primitive des hommes, les changements qu'elle a soufferts jusqu'à la naissance du christianisme, les causes générales, les filiations et les effets des hérésies qui ont divisé les chrétiens», par Pluquet, t. I, Paris, 1847 — Encyclopédie théologique, ou série de dictionnaires sur toutes les parties de la science religieuse..., publiée par M. L. abbé Migne (50 vol.), t. 11.

²² Ibid., p. 189.

ная, всецело духовная, ее опора — лишь бедность, а ее богатство — добродетель. Глава сей церкви Иисус Христос, а члены ее — братцы (frérot), и папа не имеет над ней никакой власти»²³.

Последующее упоминание Плюке об объединении бегардов с остатками альбигойцев²⁴, а также об их связях с вальденсами²⁵ показывает, что речь несомненно идет также и о бегардах (бегинах) Южной Франции. Плюке подчеркивает, что церковь вела против еретиков ожесточенную борьбу вплоть до сожжения на кострах²⁶.

Для характеристики движения бегардов, даваемой Плюке, характерна определенная связь, которую он устанавливает между этим, а также и другими еретическими движениями и воззрениями, противостоявшими господствующим философским системам. Автор напоминает о борьбе против римской курии Уиклифа, об изучении в философских школах трудов Аристотеля и комментариев к ним, сделанных арабскими писателями²⁷ (т. е. авторами, писавшими на арабском языке).

Следует, однако, отметить, что Плюке неправомерно отделяет бегардов от членов третьего ордена францисканцев (автор называет последних бегинами)²⁸. В действительности же связь между еретиками и францисканцами (их третьим орденом) существовала и имела под собой, как мы увидим, глубокое основание. II. Элио, выпустивший свой труд в том же XVII в., стремится всячески подчеркнуть то обстоятельство, что бегарды (бегины) принадлежали к третьему ордену францисканцев²⁹.

Многие интересные наблюдения, высказывавшиеся авторами, писавшими на рубеже средневековья и нового времени, были оставлены без внимания буржуазной историографией. III. Молинье, например, с одной стороны, справедливо отмечает влияние движения фратичеллов (бегинов или спиритуалов) не только на религиозную, но и на политическую жизнь тогдашнего общества. От его внимания не ускользнула и связь между этим движением и борьбой папства с королевской властью во Франции. Однако, с другой стороны, причину зарождения этого движения он видит не в глубоких социальных процессах того времени, а лишь во внутрицерковном конфликте, вызванном отречением папы Целестина V³⁰.

Ф. Эрле, с которым полемизировал Молинье, пожалуй, сужает значение термина «фратичеллы», отождествляя их лишь с итальянскими спиритуалами. Он не обращает внимания на то, что в источниках, как мы видели, фратичеллами могли называться и провансальские бегины. Сам он упоминает лишь бегинов нефранцузских территорий — Италии, Сицилии³¹ и т. д. Как правило, Эрле называет «провансальскими спиритуалами» как собственно францисканцев, так и бегинов, действовавших в Южной Франции³². Он не обращает внимания и на то, что в публикуемых им документальных материалах еретики Юга Франции, обозначен-

²³ Ibidem.

²⁴ Ibidem.

²⁵ Ibid., p. 497.

²⁶ Ibid., p. 189.

²⁷ Ibid., p. 190.

²⁸ Ibid., p. 500; иногда Плюке употребляет по отношению к бегардам термин «лолларды» (ibid., p. 189), который он чаще всего связывает с английскими еретиками

²⁹ [P. Helyot] Histoire des ordres monastiques, religieux et militaires, et des congrégations séculières de l'un et de l'autre sexe, qui ont été établies jusqu'à présent... t. VII. Paris, 1721, p. 222.

³⁰ См. его рецензию на работу Ф. Эрле [Franz Ehrle. Die Spiritualen, ihr Verhältnis zum Franziskanerorden und zu den Fraticellen.— «Archiv für Litteratur und Kirchengeschichte des Mittelalters» (далее: ALKG), Bl. I—IV. Berlin — Freiburg im Breisgau, 1885—1888] в «Revue historique», t. 43, Paris, 1890, p. 404.

³¹ F. Ehrle. Op. cit., Bd. IV. Freiburg im Breisgau, 1888, S. 65

³² Ibid., S. 64.

ные как спиритуалы³³, в других источниках именуются бегинами. Видимо, все это объясняется тем, что движение бегинов как таковое не являлось темой его изысканий.

Молинье, в противоположность Эрле, так же как некогда Элио, впадает в другую крайность — он полностью отождествляет бегинов с членами третьего ордена³⁴. В то же время Молинье преувеличивает роль элементов мистицизма в воззрениях участников движения бегинов, в целом рассматривая его лишь как сугубо религиозное³⁵. Дуэ внес большой вклад в изучение истории бегинов, издав большое число материалов инквизиции. Однако в своих комментариях к этим изданиям, как и в других работах, посвященных этой теме, он не смог дать объективную оценку изучаемому движению. Прежде всего от него ускользает народный характер движения, определяемый, как мы увидим, составом его участников и их целями. Он видит в них главным образом неких «теоретиков всеобщей бедности»³⁶. Разумеется, неграмотные в массе бегины не отдавали себе отчета в теоретическом значении выдвигаемых ими самими требований. Подобными проблемами могли заниматься лишь францисканцы-спиритуалы и близкая к ним верхушка бегинов.

Дуэ полностью разделяет точку зрения руководителей римской курии, современников движения бегинов, видевших в их воззрениях ересь, грозившую единству католического мира³⁷. Однако он, как и Молинье, преувеличивает мистическое начало во взглядах бегинов, появившееся, как он пишет, под воздействием идей Иоахима Флорского и развившееся под влиянием Петра Иоанна Оливи³⁸. Он писал также, что «неодуализм и катаризм» бегинов растворились, как он бездоказательно утверждал, в «антисоциальном мистицизме Иоахима Флорского»³⁹.

П. Альфандери признает, что бегины (бегарды) были еретиками еще более «еретическими», чем даже катары⁴⁰. Он отмечает активность еретиков Южной Франции, проповедовавших «апокалиптические идеи францисканцев-спиритуалов». Он даже считает, что позднее они смешались с «лжеапостолами Сегарелли и Дольчино»⁴¹. Однако и Альфандери не смог определить социальный смысл этих идей и движения бегинов (бегардов) в целом, рассматривая его как болезненное отклонение от обычной для религиозных сект картины⁴². Он не видит связи между этим движением и народным недовольством, что находило свое выражение, как мы увидим, в резкой критике папства и католической церкви в целом.

Большая трехтомная работа Г.-Ч. Ли по истории инквизиции (в переводе на русский язык она издана в виде двухтомника) написана крайне тенденциозно. О ее научном уровне убедительно свидетельствует, например, тот факт, что Ли преподносит как реальность различные «явле-

³³ См. опубликованную Эрле «*Historia septem tribulationum ordinis minorum*», принадлежащую перу Ангелуса Кларено (*Angelus Clareno*): *F. Ehrle Op. cit.*, Bd. II, Berlin, 1886, S. 146—147 и др.

³⁴ *Ch. Molinier*. L'inquisition dans le Midi de la France au XIIIe et au XIVe siècles. Etude sur les sources de son histoire. Paris, 1880, p. 230. Аналогичного мнения придерживается В. Мотте (*V. Motte*. *Scala divini amoris. Mistischer Traktat in provenzalischer Sprache aus dem XIV. Jahrhundert*. Halle, 1902, S. XVI).

³⁵ *Ch. Molinier*. *Op. cit.*, p. 231 et suiv. Эту же точку зрения разделяет и другой французский автор — Л. Танон. (См.: *L. Tanon*. *Histoire des tribunaux de l'inquisition en France*. Paris, 1893, p. 77).

³⁶ *Mgr. Douais*. Documents pour servir à l'histoire de l'inquisition dans le Languedoc, publiés pour la société de l'histoire de France, 1re partie: Introduction. Paris, 1900, p. 42.

³⁷ *Ibid.*, p. 44.

³⁸ *Ibid.*, p. 59.

³⁹ *Ibid.*, p. 43.

⁴⁰ *P. Alphandéry*. Les idées morales chez les hétérodoxes latins au début du XIIIe siècle. Paris, 1903, p. 40.

⁴¹ *Ibid.*, p. 12.

⁴² *Ibid.*, p. 1—13.

ния» девы Марии, во время которых она давала ответы (!) на интересующие монахов вопросы, разумеется в благоприятном для римской курии духе⁴³.

Автор цитирует очень много документов. Однако он дает им весьма произвольное толкование. Еретики-бегины (Ли их отождествляет со спиритуалами) приобретали «расположение» народа, по его мнению, не потому, что высказывали идеи, отвечавшие народным интересам, а потому, что показывали пример своей «добродетельной и святой жизнью»⁴⁴.

Д. Мюззей, так же как и многие другие буржуазные историки, увидел в деятельности бегинов лишь проявление внутрицерковной борьбы. Но в его позиции имеются и некоторые отличия, не носящие принципиального характера. Бегины и прочие еретики, по его мнению, стремились к организации независимого церковного ордена под предлогом строгого соблюдения статуса Франциска Ассизского⁴⁵.

Ж. М. Видаль рассматривал спиритуалов и их сторонников из третьего, светского ордена, в том числе францисканцев-бегинов, в духе концепции, весьма распространенной, как мы видим, среди современных ему буржуазных авторов, а именно как сторонников отвлеченной идеи «абсолютной бедности» и нищенства. В этом сказывалось у еретиков, по его мнению, увлечение идеями Иоахима Флорского и Петра Иоанна Оливи. Эти «идеалисты», как их называет Видаль, были, по его утверждению, весьма склонны к оккультизму и другим «запрещенным наукам»⁴⁶.

В противоположность буржуазным авторам конца XIX — начала XX в. К. Каутский попытался осветить проблему бегардов-бегинов с марксистской точки зрения. Он подчеркивает связь наиболее радикального крыла бегардов, ставившего, как он указывает, на первый план борьбу против папства, с оппозиционными стремлениями крестьянства и горожан⁴⁷. Однако он неправоммерно причислял бегардов, прежде всего французских, к «еретическим коммунистическим сектам [курсив наш.— В. К.]»⁴⁸. В бегардах он видел предшественников анабаптистов позднейшего времени⁴⁹. В сущности Каутский вульгаризировал понятия «коммунизм» и «коммунистический». Он применяет, в частности, эти термины как синонимы аскетизма. Он пишет, например, что «францисканцы строгого направления [т. е. спиритуалы.— В. К.] представляли средний член между монастырским коммунизмом, который в средние века был одной из основ общества, и между пролетарским коммунизмом той же эпохи, который стремился ниспровергнуть существующее общество»⁵⁰. Совершенно ясно, что искать (и находить!) «пролетарский коммунизм» в эпоху средневековья означает явно извращать исторические события.

Перейдем к литературе новейшего времени, после 1917 г. Для буржуазной историографии этого периода характерно явное тяготение к идеологическим аспектам движения бегинов-бегардов, в том числе на юге Франции. При этом некоторые выводы, высказывавшиеся и ранее различными авторами, приобрели, во-первых, более категорический, а во-вторых, более абстрактно-религиозный, идеалистический характер. При более углубленном интересе к проблемам идеологии еще сильнее проявилось игнорирование социально-экономической подоплеки рассматриваемого нами еретического движения.

⁴³ Г.-У. Ли. История инквизиции в средние века, т. II. СПб., 1912, стр. 209.

⁴⁴ Там же, стр. 205.

⁴⁵ D. S. Muzzey B. D. The spiritual franciscans. New York, 1907, p. 22.

⁴⁶ J. M. Vidal. Bullaire de l'inquisition française au XIVe siècle et jusqu'à la fin du grand schisme. Paris, 1913, p. LI et suiv.

⁴⁷ Карл Каутский. Указ. соч., стр. 265.

⁴⁸ Там же, стр. 186.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

Даже в тех случаях, когда некоторые авторы пытаются определить принадлежность еретиков к той или иной группе населения, их выводы носят слишком общий характер, а главное, им не удается четко определить роль каждой социальной группы в еретическом движении, ее отношение к различным положениям, составляющим ересь. Например, авторы «Духовной истории Франции» утверждают, что бегины — это всего лишь «набожные миряне», встречающиеся «во всех классах городского общества (и никогда в деревнях)»⁵¹. Оставим пока в стороне вопрос о районах распространения еретиков-бегинов в городе и деревне. Что касается утверждения о «набожных мирянах», то оно явно свидетельствует о том, что движение бегинов по-прежнему рассматривается лишь как сугубо религиозное. В глазах каноника Л. де Лякже бегарды (бегины) Юга Франции, как, впрочем, и предшествовавшие им катары, всего лишь «виновники раскола» церкви⁵², т. е. опять-таки представители одного из течений внутри церкви. Р. Манселли, написавший книгу, специально посвященную провансальским бегинам, и опубликовавший в приложении к ней ряд важных документов, касающихся бегинов этого района, тем не менее сделал в конце работы такой же вывод, как и Лякже. Он пишет, что бегинизм — это движение религиозное, но не социальное или политическое⁵³.

Глубокий анализ как социально-экономических условий возникновения ересей, так и содержания их самих часто подменяется поверхностным сравнением тех или иных их черт. Так, например, Д. Л. Дауэ ставит вопрос об уточнении характера связей между различными группами еретиков, носящих название бегинов, в разных странах и районах⁵⁴. Однако при постановке этой проблемы он забывает, что все эти группы сформировались на разной социально-экономической почве. Сопоставление взглядов еретиков повисает в воздухе, когда авторы ограничиваются механическим сравнением положений, заключенных в различных ересь.

Между тем проблема влияния социально-экономических условий, в которых возникают и развиваются ереси, на характер заимствований представлений из предшествующих идейных течений является в высшей степени важной для анализа еретических движений.

Ф. Энгельс писал, имея в виду эту проблему:

«...Раз возникнув, религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен, так как во всех вообще областях идеологии традиция является великой консервативной силой. Но изменения, происходящие в этом запасе представлений, определяются классовыми, следовательно экономическими, отношениями людей, делающих эти изменения»⁵⁵.

Ранее, как мы видели, некоторые авторы писали, например, о ритуалах и бегилах как о теоретиках «евангельской бедности». Теперь Хосе Пу и Марти в своей работе, посвященной каталонским еретикам-бегинам, но затрагивающей и проблемы, связанные с бегинами провансальскими, высказывает мнение, что в оказавшей на тех и на других большое влияние концепции Оливи по вопросу о «способе жизни в бедности» (*usus pauper*) главным является «экзальтация» (религиозная)⁵⁶. Тем самым в еще большей степени игнорируется социально-критическое зерно,

⁵¹ «Histoire spirituelle de la France...», p. 148—149

⁵² Chanoine L. de Lacger. Le catharisme en pays albigeois XIIe — XIVe siècles. R. Nelli (directeur du volume). Spiritualité de l'hérésie: le catharisme. Toulouse, 1953, p. 114—115

⁵³ R. Manselli. Spiritualità e beghini in Provenza. Roma, 1959, p. 255—265

⁵⁴ D. L. Douie. The nature and the effect of the heresy of the fraticelli. Manchester, 1932, p. 258.

⁵⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 315—316.

⁵⁶ R. D. P. José Ma Pou y Martí. Visionarios, beguinos y fraticellos catalanes (siglos XII—XV). Vich, 1930, p. 13.

содержащееся в проповеди еретиками указанного принципа. Разумеется, экзальтация могла иметь место. Но это не означает, что она играла определяющую роль.

Тот же подход и у де Сессваля. Он цитирует, например, утверждение бегинов о том, что «ни Христос, ни апостолы ничем не владели ни сообща, ни лично»⁵⁷, однако не связывает его с недовольством народных масс богатством и развращенностью католической церкви и, в частности, монахов нищенствующих орденов.

Анализу взглядов бегинов, в том числе провансальских, уделяют большое внимание и многие другие авторы. Однако их анализ также страдает односторонностью. Так, У. Каннон видит сущность взглядов бегинов и бегардов лишь в освобождении от «морали послушания» (канонам католической церкви)⁵⁸. С. Спенсер в еще большей степени, чем уже цитировавшиеся нами авторы, делает упор на мистицизм бегинов в своей книге, специально посвященной мистицизму⁵⁹. О мистицизме концепций Оливи и связанных с ними взглядов бегинов пишет Р. Эмери⁶⁰.

Иногда еретики-бегины рассматриваются изолированно от других групп населения. Так, например, А. Менс, несмотря на то, что в основном его работы посвящены еретикам северных районов, в то же время, как мы видели, касался и проблем, связанных с провансальскими бегинами. При этом в его характеристике последних выпадает вопрос о взаимодействии и идейной связи еретиков с народными массами. В то же время он не объясняет, хотя и упоминает о нем, сближения бегинов с «францисканцами-экстремистами», как называет Менс спиритуалов⁶¹. Впрочем, как мы уже отмечали, огрицание, точнее, игнорирование народного характера еретических движений (тех, разумеется, которым был присущ этот характер, в частности движения бегинов Юга Франции) можно отметить у многих буржуазных авторов.

В последние десятилетия появился ряд больших работ по этому вопросу, принадлежащих перу Ж. де Лагарда, Г. Грундмана, Р. Моргена Р. Манселли и др. Эти авторы видят влияние концепций Оливи на бегинов (бегардов) прежде всего в использовании еретиками эсхатологической традиции, отождествляемой указанными авторами с иоахимизмом⁶². Такой подход не позволяет правильно оценить и роль концепций идеологов типа Оливи, которые действительно оказывали воздействие на еретические движения. Ибо в этом случае речь шла не о простом заимствовании каких-то идеологических формул⁶³, а о соответствии теоретических положений, выдвигаемых этими идеологами, интересам и чаяниям народных масс.

Высказывая критические замечания по адресу буржуазных авторов, следует отметить в то же время, что в работах многих из них содер-

⁵⁷ *Fr. de Sesseval. Histoire générale de l'ordre de Saint François, t. I. Paris, 1935, p. 137.*

⁵⁸ *W. R. Cannon. History of Christianity in the Middle Ages. From the fall of Rome to the fall of Constantinople. New York, 1960, p. 293.*

⁵⁹ *Sidney Spencer. Mysticism in world religion. Baltimore — Maryland, 1963, p. 257—259.*

⁶⁰ *Richard Wilder Emery. Heresy and inquisition in Narbonne. New York, 1941, p. 130—134.*

⁶¹ См., например: *A. L. C. Mens. Les béguines et les bégards...*, p. 308.

⁶² *Georges de Lagarde. La naissance de l'esprit laïque au déclin du Moyen Age. 3me éd., t. I, Bilan du XIIIme siècle Louvain — Paris, 1956 p. 79, 88—89; t. V. Guillaume d'Ockam: critiques des structures ecclésiastiques. Louvain — Paris, 1963, p. 26—27; Herbert Grundmann. Ketzergeschichte des Mittelalters. Göttingen, 1963, S. 47—52; idem: Ketzerverhöre des Spätmittelalters als quellenkritisches. Problem.— «Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters namens der Monumenta Germaniae Historica», 21. Jg., H. 2. Köln — Graz, 1965, S. 531. Raffaello Morghen. Problèmes sur l'origine de l'hérésie au Moyen Age.— «Revue historique», t. 236, 1966, VII—IX, p. 16; Raoul Man-selli. La «Lectura super Apocalypsim», di Pitero di Giovanni Olivi, Roma, 1955.*

⁶³ См. характерную в этом отношении статью Кл. Шмитта: *Cl. Schmitt. Fraticel-les.— «DS» col. 1185—1187.*

жится ценный фактический материал. Весьма полезным является также постановка ими ряда важных проблем. Но в целом, повторяем, в силу особенностей методологии их анализа, отсутствия в их исследованиях подлинно научной теоретической основы им не удастся нарисовать полную, всеобъемлющую картину движения южнофранцузских бегинов⁶⁴.

Более плодотворно в этом смысле занимаются проблемами движения бегинов (бегардов) историки социалистических стран. Для ученых Германской Демократической Республики это в определенной степени часть истории немецкого народа. Поэтому М. Эрбштёссер и Э. Вернер в своей большой работе, посвященной идеологическим проблемам средневековых плебейских движений⁶⁵, пишут именно о южнонидерландских и немецких бегинах и бегардах. В отличие от буржуазных авторов Эрбштёссер и Вернер решают проблемы движения бегинов и бегардов, а также других, близких к ним движений, на основе марксистско-ленинской методологии. Они, в частности, ставят вопрос о социальном содержании этих движений, о социальном составе их участников.

Г. Лей¹ — также историк из ГДР — в своей большой работе, посвященной средневековому материализму, касается и вопроса о бегардах и бегинах. При этом он придерживается упоминавшейся нами точки зрения, что существуют лишь мужские общины бегардов и женские — бегинки. Его интересуют, так же как и Эрбштёссера и Вернера, прежде всего немецкие, южнонидерландские и северофранцузские еретики. Однако Эрбштёссер и Вернер считают, что Лей, следуя за Каутским и справедливо выделяя у бегинов и бегардов два крыла: радикальное и умеренное, — так же как и последний, оставляет без выяснения социальную подоплеку этого разделения⁶⁶. Лей упоминает и о собственно бегинах Южной Франции, и о влиянии на них идей Оливи. Однако использование им лишь одного документа — протокола допроса Напру Бонета (*Narprou Boneta*), — естественно, сужает его выводы⁶⁷.

И наконец, следует отметить еще одного историка из ГДР — Б. Тёпфера, который посвятил немало страниц Петру Иоанну Оливи, сыгравшему такую большую роль в формировании мировоззрения бегинов⁶⁸.

Движение бегинов и бегардов привлекло внимание и польских историков. Т. Мантейфель⁶⁹, например, в своей книге, посвященной народным ересям и свободомыслию в средние века, вкратце касается и вопроса об идеологии бегинов. Упоминает он и о «вдохновителе», как он пишет, этих взглядов — Пегре Оливи. Проблему деятельности Оливи, а также вопрос о «способе жизни в бедности» затрагивает и Е. Ключовски⁷⁰ и т. д.

Советская историография разрабатывает проблему народных еретических движений также на основе марксистско-ленинской методологии. Эти определяющие теоретические положения были высказаны прежде всего в работе Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии» и в других его произведениях.

⁶⁴ См. В. Л. Керов. Католицизм на рубеже XIII—XIV вв. и буржуазная историография. — «Вопросы истории», 1969, № 6.

⁶⁵ М. *Erbstosser*, E. *Werner*. *Ideologische Probleme des mittelalterlichen Plebejertums. Die freigeistige Häresie und ihre sozialen Wurzeln*. Berlin, 1960, S. 23—46.

⁶⁶ *Hermann Ley*. *Studie zur Geschichte des Materialismus im Mittelalter*. Berlin, 1957 (см.: *Герман Лей*. Очерк истории средневекового материализма. М., 1962); М. *Erbstosser*, E. *Werner*. *Op. cit.*, S. 46.

⁶⁷ *Герман Лей*. Указ., соч., стр. 403—404.

⁶⁸ В. *Topfer*. *Das kommende Reich des Friedens. Zur Entwicklung chiliastischer Zukunftshoffnungen im Hochmittelalter*. Berlin, 1964, S. 217—238 ff.

⁶⁹ Т. *Manteuffel*. *Narodziny herezji, Wyznawcy dobrowolnego ubóstwa w średniowieczu*. Warszawa, 1964, str. 92, 116—118. См. также его статью: «Piotr syn Jana Olivi — święty czy herezjarcha». — «Przegląd historyczny», t. LV. Warszawa, 1964, str. 392—404.

⁷⁰ J. *Klucowski*. *Wspólnoty chrześcijańskie. Grupy Życia wspólnego w chrześcijaństwie zachodnim od starożytności do XV wieku*. Kraków, 1964, str. 300—311.

Однако конкретно движением бегинов и бегардов вообще, и на Юге Франции в частности, советские историки в сущности не занимались. В этом отношении оказались утерянными определенные традиции, сложившиеся еще в дореволюционной русской историографии. Прежде всего следует упомянуть здесь работу С. А. Котляревского⁷¹. Специально бегины он не занимается, но его точка зрения о том, что фратичеллы и бегины вышли из движения спиритуалов, позволяет использовать для понимания деятельности бегинов обильный материал о спиритуалах и о том же Оливи, содержащийся в этой книге. В связи с этим он делает весьма важный вывод о том, что у исследователя «оказываются звенья цепи, связывающей радикальную часть францисканцев с целым рядом ересей, с которыми католической церкви приходилось бороться всю вторую половину средних веков»⁷². Вполне понятно, что ересь для Котляревского — это отнюдь не форма социального протеста, а всего лишь соответствующее этимологии этого слова «отклонение» от католических догматов. И тем не менее его вывод является весьма важным для уяснения упомянутой проблемы сочетания сознательности и стихийности в народных еретических движениях.

Проблема бегинов и бегардов затронута в советской историографии лишь на уровне энциклопедий.

В статье Д. Дементьева «Беггарды», помещенной в первом издании «Большой Советской Энциклопедии»⁷³, в основном говорится о бегардах Фландрии, Германии и Северной Франции, которым в то же время фактически приписываются черты мировоззрения бегинов Южной Франции. Статья написана под явным влиянием Каутского. Не случайно из литературы автор указывает наряду со статьей из немецкой протестантской энциклопедии лишь упоминавшуюся выше книгу самого Каутского. Д. Дементьев пишет, что бегарды превратились к концу XIII в. в «коммунистически-анархическую секту» и т. д.

В еще более краткой заметке о бегардах во втором издании Энциклопедии (без указания автора)⁷⁴ по существу также смешиваются взгляды бегардов и бегинов различных стран и районов.

Буквально несколько строк посвящено бегинам и в Советской Исторической Энциклопедии (автор Б. Я. Рамм)⁷⁵. По существу здесь речь идет лишь о бельгийских и голландских бегилах и бегардах. Поэтому автор заметки лишен возможности подчеркнуть роль народного еретического движения бегинов Юга Франции. В то же время в заметке отмечаются, что движение бегинок (почему-то только женщин) было связано с оппозиционными церкви сектами и еретическими движениями типа амальриккан, братьев и сестер свободного духа и др. Упоминается и о том, что бегинки подвергались преследованиям инквизиции, вплоть до сожжения на костре. Но ведь этим преследованиям и репрессиям подвергались прежде всего не упоминаемые авторами заметки бегины Прованса (а также некоторых районов Италии и Испании).

В то же время пониманию ряда вопросов, связанных с движением бегинов, помогают некоторые работы С. Д. Сказкина и М. М. Смирин, в которых, в частности, упоминаются францисканцы-спиритуалы⁷⁶. Как

⁷¹ С. А. Котляревский. Францисканский орден и римская курия в XIII—XIV вв. М., 1901.

⁷² Там же, стр. 329.

⁷³ Большая Советская Энциклопедия, изд. 1. М., 1930, т. 2, стр. 160.

⁷⁴ Большая Советская Энциклопедия, изд. 2. М., 1950, т. 2, стр. 371.

⁷⁵ Советская Историческая Энциклопедия, т. 2. М., 1962, статья «Бегинки», кол. 199—200.

⁷⁶ См., например: С. Д. Сказкин. Первое послание Дольчино.— «Из истории социально-политических идей. К семидесятипятилетию академика В. П. Волгина». М., 1955, стр. 122—129; М. М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М., 1955, стр. 105—170 (гл. II—учение Иоахима Флорского и Мюнцер).

известно, они сформировались в последней четверти XIII в. как мятежное направление внутри францисканского ордена, возглавляемое Петром Иоанном Оливи.

Каковы же были взгляды изучаемых нами еретиков, их убеждения? Чем они были опасны для католической церкви?

Основным источником для выяснения этого вопроса являются материалы инквизиции. Среди них выделяются те, которые вышли из-под пера доминиканца Бернара Ги, главного инквизитора в Лангедоке. В начале 20-х годов XIV в. он составил нечто вроде учебного пособия для инквизиторов — «Практику расследования еретических заблуждений»⁷⁷.

Это руководство написано на основе допросов большого числа бегиннов, которые Бернар тщательно записывал. Он внимательно изучал и другие инквизиционные материалы. Наконец, он читал книги, пользовавшиеся популярностью у бегиннов. И, чувствуется, пытался уяснить прежде всего для себя самого и для инквизиции в целом величину опасности, грозящей церкви. Короче говоря, это материал для внутреннего потребления. Поэтому можно согласиться с выводом А. Д. Люблинской и О. Л. Вайнштейна, которые подчеркивают важность произведений Бернара Ги для характеристики деятельности тайных организаций еретиков, их идеологии и их борьбы с католической церковью⁷⁸.

Инквизиционные материалы, дошедшие до нас благодаря Бернару Ги, дополняются рядом других источников. Среди них можно отметить материалы тулузской инквизиции, изданные Филиппом Лимборхом в качестве приложения к его написанной на основании первоисточников «Истории инквизиции»⁷⁹. Большой интерес представляет и рассказ бегинки Напру Бонета, допрошенной инквизиционным трибуналом в Каркассоне⁸⁰.

Среди авторов позднего средневековья можно выделить, с одной стороны, оригинальных писателей типа Плюке, высказывавших на основе документов свою точку зрения на описываемые события, а с другой — можно указать людей, которые в сущности пересказывали в адаптированном виде старые хроники и другие материалы⁸¹. Это не исключает, разумеется, большей или меньшей тенденциозности этих авторов. Однако имеется возможность путем сравнения различных источников установить действительное положение вещей.

Но перейдем непосредственно к рассмотрению мировоззрения бегиннов. Прежде всего инквизицией отмечалась общая антикатолическая направленность их взглядов: «Они выступали против римской церкви и апостольского престола, против примата этого престола и апостольской власти господина папы и прелатов римской церкви»⁸². Бернар Ги специально подчеркивает в конце раздела, посвященного взглядам бегиннов, что «они

⁷⁷ Первое издание — «Practica Inquisitionis heretice pravitatis, auctore Bernardo Guidonis, ordinis fratrum predicatorum», publié par le Chanoine C. Douais. Paris, 1886; издание, используемое нами, — *Bernard Gui*, Manuel de l'inquisiteur, édité et traduit par G. Mollat, t. I. Paris, 1926 (далее: *Bernard Gui*, Manuel).

⁷⁸ А. Д. Люблинская. Источниковедение истории средних веков. Л., 1955, стр. 307; О. Л. Вайнштейн. Западноевропейская средневековая историография М.—Л., 1964 стр. 200—201.

⁷⁹ *Philippi a Limborch*. Historia inquisitionis cui subjungitur Liber sententiarum inquisitionis Tholosanae. Ab anno Christi 1307 ad annum 1323. Amsterdami, 1692.

⁸⁰ См.: *William Harold May*. The confession of Prou Boneta heretic and heresi arch.— «Essays in medieval life and thought». Presented in honor of Ausin Paterson Evans. New York, 1955, p. 7—30.

⁸¹ См., например, используемое нами произведение: «Annales ecclesiastici ab anno 1198 ubi desint cardinalis Baronius auctore Odorico Raynaldo... Accedunt in hac editione notae chronologicae, criticae, historicae, quibus plentur emendantur, auctore Joanne Dominico Mansi...», t. IV (Annales Baronii, t. XXIII), Lucae, 1749.

⁸² «...Extollentes se adversus Romanam ecclesiam et apostolicam sedem ac contra primatum sedis ejusdem et contra apostolicam potestatem domini pape ac prelatorum ecclesie Romanae» (*Bernard Gui*, Manuel, t. I, p. 110).

низко и позорно поносяг господина папу, наместника Иисуса Христа, называют его безумным и раскольников, говорят, что он мистический антихрист, предвестник великого антихриста, подготовивший его пришествие»⁸³. Бегины называли папу алчным волком, которого правоверные христиане должны избегать, а также ослепленным пророком. Они его сравнивали, используя известные религиозные сюжеты, то с Каифом, «осудившим Христа», то с Иродом, «подвергшим Христа насмешкам»⁸⁴.

Однако затем определяется основная линия недовольства еретиков, направленная против накопления римской церковью и монашескими орденами богатств, против роскоши, в которой утопают прелаты и верхушка различных монашеских орденов.

Бегины называли римскую церковь «великой блудницей» («*magna meretrix*»), так как из-за своей жадности она «погрязла в плотских усядах, роскоши, высокомерии и в симонии...»⁸⁵.

Открыто выступая против обогащения прелатов и монахов, бегины заявляли, что францисканцам «ничего не должно иметь в собственности — ни дома, ни земельного участка, ни какой-либо вещи...»⁸⁶.

Правда, они оговаривали: «.. Если появится необходимость в деньгах или в каких-либо вещах на некоторое время, то это не должны быть большие деньги ... или недвижимое имущество»⁸⁷.

В доказательство бегины заявляли, что «Христос и апостолы ничем не владели ни лично, ни сообща»⁸⁸. А поэтому владение каким-либо имуществом означало бы, что братья минориты «пошли против Христа»⁸⁹.

Иными словами, указанное недовольство проявлялось в виде призыва вернуться к принципам евангельской бедности: «Также говорят, что совершенная евангельская бедность, как то легко видеть, заключается в том, чтобы ничем не владеть ни лично, ни сообща. Также говорят, что владение чем-либо сообща уменьшает совершенство евангельской бедности»⁹⁰.

Последний пункт явно направлен против утверждений отцов церкви, будто их богатства, а также богатства так называемых нищенствующих орденов — это не личная собственность прелатов или монахов, а общая собственность того или иного ордена на благо всей католической церкви. Бегины отвечали на это, что даже «апостолы не могли владеть чем-либо как лично, так и сообща, ибо это уменьшило бы их совершенство и ввело бы во грех»⁹¹. «Также говорят, — добавляет инквизитор, — что будет-де ересью полагать и утверждать противное сказанному»⁹². Любопытно отметить, что бегины — еретики с точки зрения официальной церкви пытаются использовать против последней ее же собственное оружие — обвинение в ереси.

В поддержку своей позиции бегины ссылались на принципы, про-

⁸³ «Item, graviter et ignominiose oblocuntur contra dominum papam vicarium Ihesu Christi, quem sicut insani mente et scismatici vocant et dicunt esse misticum Antichristum majoris Antichristi, precursorem et preparatorem vie ejus» (Ibid., p. 152); см. также: *Philippi a Limborch. Liber Sententiarum...*, p. 304.

⁸⁴ *Bernard Gui. Manuel*, t. I, p. 152; См. также: *W. H. May. «The confession of Prou Boneta...»*, p. 12.

⁸⁵ *Philippi a Limborch. Liber Sententiarum...*, p. 330; См. также: *R. Manselli. Spirituali e beghini... Appendice III*, p. 305.

⁸⁶ «...Nihil haberent proprium, nec domum, nec locum, nec aliquam rem...» (*Philippi a Limborch. Historia inquisitionis...*, p. 68); см. также: *W. H. May. «The Confession of Prou Boneta...»*, p. 15.

⁸⁷ «...Si haberent necessaria in pecunia vel in aliis rebus ad aliquod tempus, nisi esset magna pecunie quantitas, ...vel possessiones immobiles...» (*Philippi a Limborch. Liber Sententiarum...*, p. 298).

⁸⁸ «...Christus et apostoli nichil habuerunt in proprio vel communi...» (ibidem; см. также: *Bernard Gui. Manuel*, t. I, p. 118).

⁸⁹ *Philippi a Limborch. Liber Sententiarum...*, p. 304.

⁹⁰ *Bernard Gui. Manuel*, t. I, p. 118.

⁹¹ Ibid., p. 118—120.

⁹² Ibidem.

возглашенные еще при основании ордена мноритов Франциском Ассизским, принципы, никогда не осуществлявшиеся на практике. Прежде всего, «еретики» доказывали тождественность учения Франциска и евангелия: «Устав св. Франциска сообразуется с правилами жизни Иисуса Христа, коим Христос следовал в этом мире и кои он завещал и предписал соблюдать своим апостолам»⁹³.

Затем уже бегины, согласно наблюдениям инквизиции, переходили к изложению роли Франциска и его установлений для обоснования принципа евангельской бедности. Они говорили, что Франциск завещал в уставе ордена, что члены ордена ничем не могут владеть ни лично, ни сообща, за исключением самого необходимого для поддержания жизни⁹⁴.

В то же время в показаниях бегинов и бегардов встречаются заявления, свидетельствующие о том, что, утверждая на словах тождественность устава францисканского ордена и евангелия — что уже само по себе могло рассматриваться как еретическое положение, — в действительности они стремились поставить устав еще выше и представить Франциска как религиозного реформатора, более значительного, чем Христос: «Также говорят, что после Христа и его матери, а некоторые прибавляют — после апостолов, св. Франциск был высшим и наиболее великим хранителем евангельской жизни и устава и обновителем евангелия... Также говорят, что упомянутый устав св. Франциска — это и есть евангелие Христа... Также говорят, что, мол, те, кто борются или противятся в чем-либо уставу св. Франциска, борются и противятся евангелию Христа; и эти лица, следовательно, заблуждаются, а ежели в том упорствуют — становятся еретиками»⁹⁵. Более того, у бегинов встречается утверждение, что «если бы Христос владел чем-либо лично или сообща, то тогда святой Франциск был бы более совершенным, чем Христос»⁹⁶.

Наряду со ссылками на евангелие и устав Франциска бегины открыто высказывались против попыток отцов официальной церкви оправдать «нарушения» евангельского принципа ссылками на необходимость дополнения и развития евангелия.

Они утверждали, «что ни папа, ни кто-либо иной не может ничего изменить в евангелии Христа, ни прибавить к нему, ни из него изъять что-либо, не может ничего изменить и в уставе св. Франциска, ни прибавить к нему, ни изъять из него, и сие относится как к обетам, так и к евангельским советам и правилам, в нем содержащимся»⁹⁷.

Далее уточняется, что под обетами имеются в виду обеты «целомудрия, бедности и повиновения» («*castitatis, paupertatis et obedientie*»). Выясняется также, что среди этих обетов бегинов прежде всего волнует обет бедности; защита обета являлась для бегинов основой антипапской, антикатолической борьбы. Они протестуют в первую очередь против попыток папства и орденского руководства оправдать накопительство путем особого истолкования принципа бедности: «Также, говорят, что ежели папа изменит в чем-либо устав св. Франциска, сделает в нем какие-то добавления, или упустит что-либо, особенно в том, что касается обета бедности, или ежели упразднит сам устав, то поступит противу евангелия Христа»⁹⁸.

Подобные действия, утверждают бегины, могут поставить папу как бы вне закона церкви и освободить верующих от обязанности повиноваться ему: «...Никто, брат ли мнорит, либо кто-либо иной не должен будет

⁹³ Bernard Gui Manuel, t. I, p. 120.

⁹⁴ Ibidem.

⁹⁵ Ibidem.

⁹⁶ «... Si Christus habuerit in proprio vel in communi, sanctus Franciscus esset perfectior Christo» (Raoul Manselli. Spirituali e beghini... Appendice III, p. 323).

⁹⁷ Bernard Gui. Manuel, t. I, p. 120.

⁹⁸ Ibid., p. 122—124.

ему повиноваться, даже под угрозой отлучения, ибо отлучение сие было бы несправедливым и никого бы не обязывало»⁹⁹.

За попрание «евангельского» принципа бедности бегины ругали папу «лесным кабаном, редкостным диким зверем, разрушившим ограду божьей церкви, дабы вторглись в нее лсы и свиньи, те самые люди, кои расшатывают и попирают совершенство евангельской жизни»¹⁰⁰.

Особенно нападали бегины на декреталию папы Иоанна XXII, *Quorundam* (7 октября 1317 г.), которая разрешала членам францисканского ордена с соизволения руководителей ордена создавать на будущее запасы зерна и вина, хранимые в амбарах и винных складах. Это, подчеркивали бегины, противоречит принципу евангелической бедности и Христову евангелию.

«...Господин папа, — говорили они, — не может приказать братьям миноритам иметь житницы или амбары либо накапливать зерно и вино, дабы владеть им сообща вопреки уставу св. Франциска»¹⁰¹. Они утверждали, что папа впал в ересь и, если будет и впредь упорствовать в этом, утратит свою власть и церковную юрисдикцию¹⁰². Бегины считали также, что «все прелаты и прочие, кои поддерживали и поддерживают господина папу в этом деле, также впали в ересь, и если будут в том упорствовать, то также утратят всю власть и церковную юрисдикцию»¹⁰³. Бегины утверждали, что еретиками в равной степени следует считать и тех «братьев-миноритов», которые одобряют и поддерживают эту декреталию папы¹⁰⁴. Бегины были недовольны и другими положениями упомянутой декреталии. Их волновали, в частности, предписания папы относительно одежды братьев-миноритов. Напомним, что многие из бегинов входили в так называемый третий орден францисканцев. Они подчеркивали, что папа не имеет права вмешиваться в вопросы ношения одежды. Речь шла о том, что папская декреталия, вопреки уставу св. Франциска, запрещала, как утверждали бегины, носить узкую, короткую и заплатавшую рясу, которую предпочитали францисканцы-спиритуалы, близкие, как мы увидим, к бегинам и бегардам. Спиритуалы считали, что только такая одежда соответствует отказу от всяких излишеств, иначе говоря, соответствует принципам евангельской бедности¹⁰⁵. Спиритуалы и бегины изобличали тех клерикалов и монахов, которые носят роскошную одежду и вообще ведут роскошный образ жизни: «Также говорят, что прелаты и монахи, кои носят длинную и богатую одежду, поступают противу принципа евангельского совершенства и предписания Христа, но согласно предписаниям Антихриста и ежели клирики ведут помпезный образ жизни, то они суть чада Антихриста»¹⁰⁶.

Следует, однако, отметить, что наряду с францисканцами-спиритуалами, искренне выступавшими против роскоши церковных прелатов, было немало таких (и это поощрялось римской курией вопреки ее собственным предписаниям), которые просто-напросто рядились в тогу бедняков и нищих, чтобы одурачивать народные массы, спекулируя на их настроении и психологии.

Недовольство католической церковью находило свое выражение во многих прямых отклонениях бегинов от католической догматики и обрядности. Бегины (бегарды) заявляли, например, что человек может достигнуть «благодати в этой жизни»¹⁰⁷.

⁹⁹ *Ibid.*, p. 122.

¹⁰⁰ *Ibidem*.

¹⁰¹ *Philippi a Limborch. Liber Sententiarum...*, p. 302.

¹⁰² *Bernard Gui. Manuel*, t. I, p. 124.

¹⁰³ *Ibidem*.

¹⁰⁴ *Ibidem*.

¹⁰⁵ *Ibidem*.

¹⁰⁶ *Ibid.*, p. 134—136.

¹⁰⁷ «*Annales ecclesiastici... auctore Odorico Raynaldo...*» t. IV, p. 552.

Флэри отмечал особенно сильное впечатление, которое произвели на папу Климента V «еретические» рассуждения бегинов о том, что «человек может достигнуть в этой жизни такой степени совершенства, что делается полностью безгрешным... Когда достигают этой степени совершенства, не надобно более ни поститься, ни молиться, ибо чувственность тогда столь подчинена духу и разуму, что можно свободно согласовать со своим телом, что хочешь. Те, кто достиг этой степени совершенства.., не обязаны подчиняться предписаниям церкви...»¹⁰⁸

Среди других еретических положений бегинов, вызывавших негодование римской курии, можно отметить такие, как истолкование бегинами вопроса о троице¹⁰⁹, об евхаристии¹¹⁰ и другие. В «Церковных анналах» Одорико Райнальдо перечисляется более восьми различных «заблуждений» еретиков¹¹¹ (включая проблему достижения совершенства в земной жизни и связанную с этим возможность не подчиняться предписаниям церкви, а также проблему евхаристии и т. д.). В частности, упоминается здесь и еретическая концепция вопроса о крещении¹¹².

В цитируемой книге еретики называются «бегардами». Но тем не менее их близость к Оливи, последователями которого они в ней объявляются, позволяет нам предположить, что речь идет лишь о смешении терминов «бегарды» и «бегины», и приписать «заблуждения» упоминаемых в «Анналах» бегардов также и еретикам юга Франции.

Бегины заявляли (вопреки учению католической, как, впрочем, и любой другой религии и церкви, об избранном характере ее приверженцев), что «как христиане, так и иудеи, и сарадины, и прочие... кто поверил бы в деяния святого духа, могли бы спастись»¹¹³. Известное представление о взглядах бегинов можно получить также в результате изучения их образа жизни и характера деятельности. Одновременно полезно выяснить их социальный состав.

Как явствует из материалов допросов, проживали бегины в маленьких домиках («mansiuunculas»), которые они называли «домами бедности» («domos paupertatis») ¹¹⁴. Здесь они жили отдельно («privatim») или совместно. Возможно, что, как и бегарды северных районов, провансальские бегины создавали свои общины религиозного, а возможно, и не только религиозного характера. Во всяком случае в материалах инквизиции у бегинов упоминаются такие должностные лица, как «пресвитер» («presbiter») ¹¹⁵, а также министр («minister») ¹¹⁶. Несколько слов об отношении бегинов к проблеме брака («таишству брака»). Очень часто не только женщины, но и мужчины принимали обет целомудрия ¹¹⁷. Бегины не отрицали брак, освященный церковью, но вместе с тем и не считали его обязательным. «Поцелуй женщины без влечения — смертный грех; плотский же акт при наличии влечения — не есть смертный грех...» ¹¹⁸ — говорили они.

Как видно из материалов инквизиции, по воскресеньям и прочим праздникам бегины собирались в одном из домов для чтения различных книг нравственно-религиозного содержания. Как правило, это были, как

¹⁰⁸ Fleury. Histoire ecclésiastique, t. XIX. Paris, 1751, p. 221; см. также: «Annales ecclésiastiques... auctore Odorico Raynaldo...», t. IV, p. 552.

¹⁰⁹ См., например: «The confession of Prou Boneta...», p. 17—19.

¹¹⁰ «Annales ecclesiastici... Odorico Raynaldo...», t. IV, p. 556.

¹¹¹ Ibid., p. 552—560.

¹¹² Ibid., p. 560.

¹¹³ «The confession of Prou Boneta...», p. 29.

¹¹⁴ Bernard Gui. Manuel, t. I, p. 114.

¹¹⁵ Raoul Manselli. Spirituali e beghini... Appendice III, p. 308.

¹¹⁶ Philippi a Limborch. Liber Sententiarum..., p. 301.

¹¹⁷ Bernard Gui Manuel, t. I, p. 134; «The confession of Prou Boneta...», p. 15.

¹¹⁸ «...Osculum mulieris, cum ad hoc non inclinet natura, est mortale peccatum; actus autem carnalis, cum ad hoc natura inclinet, peccatum non est...» («Annales ecclesiastici... Odorico Raynaldo», t. IV, p. 556).

мы увидим далее, книги, признанные католической церковью еретическими.

Бегины узнавали друг друга, как отмечает инквизиция, не только по разговору («in modo conversandi»), но и путем взаимного приветствия. Когда бегины прибывали откуда-нибудь, или входили в дом, или встречались где-нибудь, они приветствовали друг друга словами: «Да будет благословенно имя господина Иисуса Христа» («Benedictum sit nomen Domini Ihesu Christi») или «Да будет благословен Иисус Христос» («Benedictus sit Ihesu Christus») ¹¹⁹.

Инквизитор рассказывает, что во время завтрака после благословения еды те из бегинов, кто знал молитву «Gloria in exellensis Deo», читали ее на коленях, а остальные слушали. Во время обеда читали молитву «Salve Begina» ¹²⁰.

Бегины не отказывались и от посещения католических храмов, как и вообще от католической обрядности. Но выполняли эти обряды так, как считали нужным, что часто рассматривалось церковью как действия, противоречащие католическим догмам и обычной церковной практике. Например, во время молитвы в церкви или в каком-либо другом месте они приседали на корточки («sedent acrupiti»), обычно отвернувшись лицом к стенке или уставившись в землю и накиннув на голову капюшон. «Их редко можно было видеть, — отмечает инквизитор, — стоящими на коленях со сложенными руками, как то делают прочие люди» ¹²¹.

Одни бегины открыто просили милостыню («publice mendicant hostiatim»), сообразно с принципом заявляли о евангельской бедности. Другие бегины также вели бедную жизнь («pauperam vitam»), однако работали и зарабатывали себе на жизнь своими руками («Suis manibus operantur et lucrantur») ¹²². Во втором случае речь явно идет о крестьянах и ремесленниках.

Материалы инквизиции сообщают о сопротивлении некоторых групп бегинов попыткам папства заставить их добывать себе пропитание трудом своих рук: «Также говорят, что согласно закону божьему папа не может запретить бегинам даже под угрозой отлучения заниматься нищенством, поскольку они могут трудиться и добывать себе соответствующее пропитание с помощью ремесла» ¹²³. В противном случае «их совершенство, говорили они, уменьшилось бы...» ¹²⁴. Заметим, что и в данном случае речь идет прежде всего о ремесленниках, а также о крестьянах. Видимо, римская курия хотела воспрепятствовать бегинам выделить себя из общей массы трудящихся. С. Д. Сказкин подчеркивает, что стремление ерестиков из народа копировать монашескую жизнь и монашеский аскетизм (он называет это «вольным монашеством») в некоторых отношениях ничего общего с монашеством не имело. «Еретики стремились, занимаясь нищенством и ведя аскетический образ жизни, освободиться от обязанности церковного послушания» ¹²⁵. Можно предположить, что, переходя из селения в селение, из города в город и собирая милостыню, бегины и распространяли свои идеи как путем рассказов, так и с помощью книг, которые они читали и которыми увлекались. К тому же поскольку они не чуждались инакомыслящих и общались с другими людьми даже в католических храмах, то могли воздействовать на окружающих также и своим личным примером. Что касается социального состава участников изучаемого движения, то на это проливает

¹¹⁹ См.: Bernard Gui. Manuel, t. I, p. 116—118.

¹²⁰ Ibid., p. 118.

¹²¹ Ibidem.

¹²² Ibid., p. 116.

¹²³ Ibid., p. 136.

¹²⁴ Ibidem.

¹²⁵ С. Д. Сказкин. Первое послание Дольчино. — «Из истории социально-политических идей. К семидесятипятилетию академика В. П. Волгина», стр. 125.

свет сообщение Бернара Ги о том, что бегины живут в «деревнях и городах» («in villis et castris») ¹²⁶.

В целом можно сделать вывод, что, по-видимому, трудящиеся составляли если не большую, то во всяком случае значительную часть бегинов.

Это, разумеется, не исключает существования в их среде имущественного неравенства. И действительно, наряду с упоминанием о бегицах, живущих трудом своим, в документах инквизиции говорится и о бегицах, принадлежащих к весьма зажиточным слоям. Например, в одном из таких материалов, опубликованном в «Коллекции Доат», упоминается бегин, который «владел имуществом» («rescipiam tenui») вопреки, как говорится в тексте, принципу евангельской бедности, гласящему: «...Ничем не должно владеть ни лично, ни сообща...» ¹²⁷. В материалах той же «Коллекции» упоминается бегин-торговец («mercarius») ¹²⁸ и т. д.

В отношении бегинов к ряду католических догм, в частности к принципу евангельской бедности, к «способу жизни в бедности», как говорили в то время в монашеско-клерикальных кругах, отчетливо проявляется влияние идей вождя спиритуалов Петра Иоанна Оливи. Бегины были ревностными последователями проповедуемых им доктрин. Небольшая книга, посвященная Петру Оливи, в которой кратко говорится о его жизни и величайших достоинствах, читалась и перечитывалась бегинами на их собраниях, о которых мы говорили выше. Бернар Ги писал по этому поводу: «Сие в упомянутой книжечке содержалось, которую бегины и бегинки на своих сборищах читают или слушают с большой набожностью и почтением к брату [т. е. к Оливи. — В. К.], считая все это непреложною истиной» ¹²⁹. Наряду с этой книжечкой об Оливи бегины читали и произведения, написанные им самим: «Обнаружено... что свои заблуждения и такого же рода тлетворные мысли они заимствовали частично из книг и книжечек брата Петра Иоанна Оливи, родом из Сериньяна близ Безье» ¹³⁰. Инквизиция отмечала также, какие именно книги читались еретиками.

«Это постигла на Апокалипсис, маленький трактат о бедности, еще один трактат, довольно маленький, о нищенстве и третий о семи злых духах, а также иные небольшие сочинения, писанные упомянутым братом Петром Иоанном или приписываемые ему ¹³¹; одни из этих творений писаны им самим, другие составлены в духе его учения и порожденной им традиции, ибо излагают те же положения и мысли. Они читают упомянутые книги на народном языке, — сообщается далее инквизицией — в кругу своих домашних и друзей. Собираясь небольшими группами в своих маленьких домах, кои они именуют обычно домами бедности, они и сами впитывают это тлетворное учение и других, кого только могут, склоняют к нему» ¹³². Под словом «склоняют» как раз и следует понимать попытку бегинов всячески распространять и пропагандировать свои идеи.

¹²⁶ Bernard Gui. Manuel, t. I, p. 114.

¹²⁷ См. R. Manselli. Spirituali e beghini... Appendice III, p. 302—303.

¹²⁸ Ibid., p. 313.

¹²⁹ Bernard Gui. Manuel, t. I, p. 192.

¹³⁰ Ibid., p. 110.

¹³¹ О чтении бегинами произведений Оливи, прежде всего постиллы на Апокалипсис и трактата о бедности, неоднократно говорится в материалах «Коллекции Доат». См.: R. Manselli. Spirituali e beghini... Appendice III, p. 302—355 et suiv. В этих материалах можно найти упоминание о том, что бегины передавали книги Оливи один другому (ibid., p. 307). Отметим также, что кроме произведений Оливи или книжек о его жизни бегины на своих собраниях читали в переводе с латинского языка и изучали различного рода жития святых типа книги «Сборник [рассказов] о пороках и добродетелях» («Summa de vitiis et virtutibus») (Bernard Gui. Manuel, t. I, p. 114). В одном из документов, опубликованных Лимборхом, подчеркивается, что книги Оливи были написаны на «французском или народном языке» («in romancio seu vulgari») (Philippi a Limborch. Liber Sententiarum..., p. 300).

¹³² Bernard Gui. Manuel, t. I, p. 142.

Инквизитора возмущало, что к указанным книгам Оливи бегины относились так же, как к евангелию и другим «священным» книгам: «...Они читают их, почитают за истину все там написанное и следуют им так, будто сие подлинно священные писания»¹³³.

Разумеется, не все бегины могли присутствовать при чтении, а тем более читать сами произведения Оливи. Поэтому очень часто его идеи передавались из уст в уста в форме преданий, распространившихся его последователями. Эти предания обрастали новыми подробностями и в конечном итоге представляли в том виде, который был наиболее привлекателен для бегинов, а точнее для их руководителей:

«Находят также в упомянутых выше книжечках и в некоторых других писаниях единомышленников и последователей упомянутого брата Петра Иоанна некие суждения, изложенные в общем виде, которые бегины применяют согласно своему неправильному представлению и толкуют их себе на пользу и во вред тем, кого именуют они своими гонителями; и так они впадают в одно прегрешение за другим и приходят к наихудшему»¹³⁴. Хотя бегины были знакомы с рядом произведений Оливи, наиболее почитаемым сочинением была его постилла на Апокалипсис. Именно отсюда бегины черпали многие антикатолические концепции. Одним из основных вопросов, который задавали инквизиторы бегинам, было отношение последних к этому произведению Оливи, написанному под влиянием идей иоакимизма. Связь между концепциями Иоахима Флорского и Петра Оливи, равно как и подробное содержание указанной постиллы, заслуживает стать предметом специального рассуждения. Для нас сейчас важно отметить те положения постиллы, которые, по утверждению бегинов, ими использовались и пропагандировались. «Таким образом, бегины, — отмечал Бернар Ги, — получившие сведения, а если говорить точно, искаженные сведения из доктрины, изложенной в постилле Петра Иоанна на Апокалипсис, утверждают, что плотская церковь, под коей понимают они римскую церковь, и не только в пределах самого Рима, а в пределах всей Римской империи [т. е. территории, на которую распространялась юрисдикция римской курии. — В. К.], и есть тот Вавилон, великая блудница, о котором говорится в Апокалипсисе Иоанна. Это она, по их словам, источник всех зол, которые здесь упоминаются, она, пьяная от крови мучеников во славу Иисуса Христа...»¹³⁵.

Инквизиторы дотошно изучали взгляды бегинов. Поэтому все признаки характерного для концепций Оливи противопоставления погрязшей в грехах и пороках «плотской», официальной церкви некой идеальной, «духовной», как они говорили, церкви тщательно отмечались ими. Бернар писал: «Также различают они как бы две церкви, а именно: церковь плотскую, каковой полагают римскую церковь, церковь — скопище пороков, и церковь духовную, церковь мужей, именуемых людьми духовными и евангельскими, кои следуют примеру Христа и апостолов; и таковою почитают они как раз свою церковь...»¹³⁶

¹³³ «...Ea legunt et eis credunt et intendunt tanquam scripturis autenticis» (ibid., p. 110).

¹³⁴ Ibid., p. 110—111.

¹³⁵ Ibid., p. 142: «Item, informati seu potius deformati ex doctrina quam auriunt ex postilla prefati Petri Johannis super Apocalipsim, dicunt ecclesiam carnalem, per quam intelligunt Romanum ecclesiam, non solum pro ipsa Roma, set quantum se extendit Romani imperii latitudo, esse illam Babilonem meretricem magnam esse de qua loquitur Johannes in Apocalipsi (издатель цитируемой книги Молла указывает, что речь идет о главе XVII, 5 Апокалипсиса: Op. cit., p. 143. См.: Библия, Новый завет, М., 1968, стр. 287.— В. К.); et de ipsa exponunt et intellegunt mala que leguntur ibidem, videlicet quod ipsa est ebría de sanguine martirum Jhesu Christi...».

¹³⁶ Ibid., p. 144.

В документах «Коллекции Доат» подчеркивается, что бегины вычитали в постилле «брата Петра Иоанна», что «церковь была развращена» («ecclesia erat adultera»). Хотя при этом высказывалась оговорка, что «не вся [церковь] была такой, лишь какая-то часть ее» («non quod tota esset talis, sed aliqua pars eius») ¹³⁷. Еще один из допрошенных бегинов утверждал, что именно из произведений Оливи извлекли они мысль о том, что «те, кто правят римской церковью, погрязли в роскоши, утехах, высокомерии и чванстве...» ¹³⁸.

Себя бегины причисляли к духовной церкви на том основании, что они «...следуют принципу евангельской бедности, защищают его и муки приемлют за него» ¹³⁹.

Некоторые из бегинов не противопоставляли «плотской» церкви какую-то особую церковь, а говорили лишь о себе, как об «избранных, коих называют евангельскими людьми» ¹⁴⁰.

Подразделяя в соответствии с идеями Иоахима Флорского и Оливи историю церкви на соответствующие состояния, периоды, стадии, они считали, что римская церковь будет повержена в современный им период: «Также проповедовали, что в конце шестого состояния церкви, в коем, говорили они, находимся мы и начало коего исчисляли со времени св. Франциска, упомянутая плотская церковь, Вавилон, великая блудница должна быть отвергнута Христом» ¹⁴¹.

И далее с помощью библейских образов бегины доказывали противозаконность с точки зрения принципов первоначального христианства борьбы римской курии против спиритуалов, возглавляемых Петром Оливи (от которых сплошь и рядом было трудно отличить самих бегинов), и подводили к выводу о правомерности и необходимости критики папства и монашества. Они говорили о преследованиях плотской церковью последователей Христа «в лице тех братьев, коих именуют бедняками и спиритуалами из ордена св. Франциска» ¹⁴².

Бегины всячески выделяли монахов-францисканцев, точнее спиритуалов, из общей массы монахов и монашеских (в частности, нищенствующих) орденов. Предвещая гибель всем тем орденам, которые всецело следовали в фарватере римской курии, они утверждали, что францисканцев-спиритуалов ждет иная судьба: «Также проповедовали, что все монашеские ордена будут уничтожены при преследовании Антихриста, исключая орден св. Франциска» ¹⁴³.

Они утверждали, как отмечает Бернар Ги, что наибольшим совершенством обладает орден братьев миноритов, кои «следует обету евангельской бедности» ¹⁴⁴. Бегины имели в виду, разумеется, не францисканский орден в целом, а лишь спиритуалов. Для того чтобы подкрепить эти свои утверждения, бегины приписывали концепциям своего учителя божественное происхождение. Они заявляли, например, что учение Оливи было ему «внушено богом», о чем он сам сообщил своим друзьям и сподвижникам. Бегины называли Оливи неканонизированным святым. Они говорили, что после апостолов и евангелистов не было ни одного учителя столь великого, как Оливи, одинаково великого как в своей святости, так и в своей учености ¹⁴⁵.

¹³⁷ R. Manselli Spirituali e beghini. Appendice III, p. 305.

¹³⁸ Ibid., p. 313—314.

¹³⁹ Bernard Gui. Manuel, t. 1, p. 144.

¹⁴⁰ Ibidem.

¹⁴¹ Ibidem.

¹⁴² Ibid., p. 144—146.

¹⁴³ Ibid., p. 146.

¹⁴⁴ Ibid., p. 126.

¹⁴⁵ Ibid., p. 138.

Именно «брат Петр Иоанн», утверждали далее бегины, и был в переносном (духовном) смысле («spiritualiter») тем «ангелом с лицом, подобным солнцу, с открытой книгой в руках», о котором говорится в X главе Апокалипсиса ¹⁴⁶. Поэтому, делали они вывод, именно в его постилле на Апокалипсис открывается «истина Христа» и сущность Апокалипсиса ¹⁴⁷. Инквизитор указывает, что, по утверждению бегинов, учение Оливи более всего необходимо «божьей церкви», ибо лучше и проще объясняет «коварство Антихриста и его учеников, то есть фарисеев, как они именуют прелатов и монахов нашего времени» ¹⁴⁸. «Оливи,— по утверждению бегинов,— это свет и сияние, кои господь послал в мир, а посему те, кто не видят этого света, бродят в темноте» ¹⁴⁹.

Эти рассуждения сопровождалась всяческими угрозами в адрес приверженцев римской курии и самого папы. Бернар Ги отмечал в связи с этим: «Также говорят, что те, кто не приемлет учение или писания этого брата Петра Иоанна, суть слепцы, ибо не чувствуют и не зрят истины Иисуса Христа, те же, кто порицает и хулит его учение,— еретики» ¹⁵⁰. И далее инквизитор продолжал: «Также говорят, что, если бы папа осудил учение или писания брата Петра Иоанна, его подлежало бы осудить как еретика, ибо он осудил бы тем самым жизнь и учение Христа... И если бы он вследствие сего отлучил их от церкви, они не считали бы себя отлученными и не повиновались бы ему...» ¹⁵¹

После смерти Оливи у бегинов, а также, по-видимому, среди других групп населения сложился подлинный культ Оливи. Его могила сделалась местом паломничества и поклонения огромных масс населения. Последователи Оливи стекались сюда как в день его смерти, так и в другие дни («in die sui obitus vel alias»), как отмечается в одном из источников ¹⁵². В конечном итоге римская курия пошла на эксгумацию тела Оливи и сожжение его останков, стремясь уменьшить влияние имени вождя спиритуалов и бегинов ¹⁵³. Но продолжим наш разговор о концепциях Оливи, изложенных в его постилле на Апокалипсис и воспринятых бегинами юга Франции.

После уничтожения «плотской церкви», утверждали бегины, усилиями избранных, «духовных и евангельских» людей будет установлена церковь праведная, «духовная». Согласно идеям Петра Оливи, воспринятым бегинами, это будет означать вступление церкви в седьмое, последнее состояние (этап, стадию) ¹⁵⁴. Переход к этому этапу будет сопровождаться ожесточенной борьбой с антихристом. Таких антихристов будет два, учил бегины. Один — духовный или мистический, другой — подлинный, главный. Первый подготовит пришествие второго. И тут же разъясняли, что первый антихрист — это папа, который преследует их и хулит и будет это

¹⁴⁶ См.: Библия. Новый завет, стр. 282.

¹⁴⁷ Ibid., p. 138—140.

¹⁴⁸ Ibid., p. 140.

¹⁴⁹ Ibidem.

¹⁵⁰ Ibidem. См. также материалы актов инквизиции в Каркассоне, приведенные в сборнике документов, опубликованных Дёллингером: *Ign. v. Dollinger. Beiträge zur Sektengeschichte des Mittelalters. Zweiter Theil: Dokumente vornehmlich zur Geschichte der Valdensier und Katharer.* München, 1890, S. 289—291.

¹⁵¹ *Bernard Gui. Manuel...*, t. I, p. 140.

¹⁵² Документ приведен Ф. Эрле в его работе «*Petrus Johannis Olivi. Sein Leben und seine Schriften*», ALKG, Bd. III, Berlin, S. 443; см. также: «*The confession of Provus Boneta...*», p. 10.

¹⁵³ См.: «*Historia universitatis parisiensis ipsius foundationem...*». Auctore C. E. Du Boulay... Ab an. 1200 ad an. 1300, t. III, Parisiis, 1666, p. 635. См. также: *Angelus Clareno. Historia septem tribulationum ordinis minorum*, ALKG, Bd. II, Berlin, 1886, S. 129.

¹⁵⁴ *Bernard Gui. Manuel*, t. I, p. 146—148.

делать и в будущем¹⁵⁵. Молла подчеркивает, что речь идет о папе Иоанне XXII¹⁵⁶.

Некоторые бегины стремились уточнить время появления и исчезновения второго, главного антихриста. Они утверждали, что он уже существует и исчезнет, по предположениям одних, в 1325, других — в 1330, а третьих — в 1335 г.¹⁵⁷ Уничтожение плотской церкви произойдет в огне великой войны, которая будет сопровождаться огромными жертвами. После разрушения плотской церкви появятся сарацины. Они захватят христианские земли и проникнут, в частности, во Французское королевство, в том числе в Нарбонн. Они будут уводить в плен женщин-христианок. Все это, утверждали бегины, было открыто богом брату Петру Иоанну Оливи во время его пребывания в Нарбонне¹⁵⁸.

Далее из рассказов бегинов следовало, что во время этих войн бог так спрячет избранных духовных людей («*virgus spirituales electos*»), под которыми они имели в виду францисканцев-спиритуалов, что антихрист со своими слугами не сможет их найти. Церковь будет насчитывать, как и во времена «первоначальной церкви» («*ecclesia primitiva*»), едва ли двенадцать человек. Благодаря им церковь будет возрождена, а с нею вместе и святой дух, который распространится еще более широко, чем при апостолах первоначальной церкви. После смерти антихриста, говорили бегины, упомянутые духовные люди обратят в «веру Христову весь мир»¹⁵⁹.

Г. Лей, рассматривая идейные истоки воззрений бегинов, считает (он исходит при этом из материалов допроса Напру Бонета), что отстаиваемая бегинами идея о борьбе (с папой-антихристом) за установление нового, справедливого мира свидетельствует о сочетании во взглядах сретиков Южной Франции учения Оливи с учением катаров. В изображении картины борьбы «защитников добра против приспешников зла», пишет он, «преобладают старые представления катаров, глубоко пустившие корни на французском Юге»¹⁶⁰.

Проблема выяснения различных идейных истоков концепций бегинов действительно является очень важной, но требует специального рассмотрения. Она тесно связана с другой проблемой — определением идейных истоков учения самого Оливи.

Далее, особенно интересно выяснить, как бегины представляли себе социальное устройство нового мира.

«Все имущество, — утверждали они, — будет находиться в общем пользовании, никто не обидит своего ближнего и не введет во грех его, ибо великая любовь будет царить меж людьми и будет отныне только одна овчарня и только один пастырь...»¹⁶¹.

Как мы видели, в этом высказывании нашли свое дальнейшее развитие идеи, о которых мы говорили выше в связи с проблемой «способа жизни в бедности». От призывов к ограничению богатств, от протеста против злоупотреблений ими бегины переходят к прямому призыву к общности имущества. Фразу же о всеобщей любви и отсутствии обиженных можно истолковать и как призыв к гражданскому равенству членов будущего общества. Б. С. Поршнев отмечает, например, что в мышлении средневекового крестьянства (а быть может, добавим мы, и в мышлении

¹⁵⁵ *Bernard Gui* Manuel, t. I, p. 148.

¹⁵⁶ *Ibid.*, p. 149.

¹⁵⁷ *Ibid.*, p. 148.

¹⁵⁸ *Ibid.*, p. 148—150.

¹⁵⁹ *Ibid.*, p. 150.

¹⁶⁰ Г. Лей. Указ. соч., стр. 403—404.

¹⁶¹ «...*Et omnia erunt communia quoad usum et non erit aliquis qui offendat alium vel sollicitet ad peccatum, quia maximus amor erit inter eos et erit tunc unum ovile et unus pastor*» (*Bernard Gui*. Manuel, t. I, p. 150, 152).

других классов и групп трудящихся) идея равенства и общности распространялась не только на имущество, но и на людей (понимая под общностью людей общину, коммуну)¹⁶².

Бегины говорили, что это совершенное общество будет существовать в течение ста лет¹⁶³. Однако после этого любовь уменьшится, «все больше и больше будет распространяться зло, и тогда вновь придет Христос, дабы устроить надо всеми общий суд»¹⁶⁴.

Как мы видим, образы христианской религии были для бегинов средством выражения идей, отражающих их собственные представления и мечтания. От библейских и прочих аллегорий бегины перекидывали мостик к конкретным задачам своей повседневной борьбы с папством, обрушивая на него всю силу своей ненависти к официальной церкви.

«Таковы, — писал инквизитор, — безрассудные и еретические догмы тлетворной секты упомянутых бегинов»¹⁶⁵ Следует отметить, что, по мнению инквизиции, о чем свидетельствует вышеприведенный отрывок, для бегинов были характерны не случайные ошибки и заблуждения, а целая система взглядов и концепций, враждебных католицизму.

Желая, видимо, подчеркнуть достоверность своих сообщений, инквизитор считает долгом напомнить, что все приведенные рассуждения бегинов и многие другие, которые было бы «слишком утомительно приводить подробно», получены из «их собственных уст» («ex ore ipsorum»), а также на основании изучения книжек, которые они читали¹⁶⁶.

Как же можно охарактеризовать взгляды бегинов?

Откровенная антикатолическая направленность их воззрений, доходящая до полного отрицания католической церкви, позволяет без колебаний отнести эти воззрения к числу еретических. Среди идей бегинов можно выделить такие, которые представляют собой городскую, бюргерскую ересь, — это прежде всего выступления против папы и католической церкви в целом, критика обогащения прелатов и монахов, призывы к восстановлению «евангельских», раннехристианских принципов и т. д. Вместе с тем во взглядах бегинов отчетливо проступают черты ереси крестьянско-плебейской — это прежде всего требование равенства имущества, о котором упоминалось в сообщениях инквизиции. С этим было связано, как мы отмечали, и требование равенства в отношениях между людьми. Об этом типе ереси Энгельс писал: «Хотя она и разделяла все требования бюргерской ереси относительно попов, папства и восстановления раннехристианского церковного строя, она в то же время шла неизмеримо дальше. Она требовала восстановления раннехристианского равенства в отношении между членами религиозной общины, а также признания этого равенства в качестве нормы и для гражданских отношений. Из «равенства сынов божьих» она выводила гражданское равенство и уже тогда отчасти даже равенство имущества»¹⁶⁷.

У бегинов, как мы видели, последнее требование выражено в более полной и категорической форме, чем об этом говорит Энгельс.

Свидетельством присутствия крестьянско-плебейской ереси в воззрениях бегинов являются и их хилястические мечтания, принявшие своеобразную форму, в частности утверждений о столетнем периоде господства «духовной церкви». Энгельс подчеркивал, что хилястические мечтания раннего христианства представляли собой удобный исходный пункт для

¹⁶² Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы. М., 1964, стр. 315.

¹⁶³ «...Et talis hominum status et conditio durabit secundum aliquos ex ipsis per centum annos...» (ibid., p. 152).

¹⁶⁴ Ibidem.

¹⁶⁵ «Hec sunt insana et heretica dogmata secte pestifere predictorum Bequinatorum...» (ibidem).

¹⁶⁶ См.: ibid., p. 152—154.

¹⁶⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 362.

стремлений плебейской части общества подвергнуть сомнению «учреждения, представления и взгляды, которые были свойственны всем покоящимся на классовых противоречиях общественным формам»¹⁶⁸. Энгельс, имея в виду несколько более поздний период, чем рассматриваемый нами, указывал, что плебеи, не ограничиваясь борьбой против феодалов и привилегированных горожан, выступали в сущности и против элементов нарождающегося буржуазного общества. У бегинов же мечты хилиастического характера о победе «духовной церкви» означали прежде всего недовольство господствующим феодальным строем, хотя и принимали на первый взгляд сугубо религиозную форму. Отмечая, что церковь в средние века занимала положение «наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя»¹⁶⁹, Энгельс далее подчеркивал: «Ясно, что при этих условиях все выраженные в общей форме нападки на феодализм, и прежде всего нападки на церковь, все революционные — социальные и политические — доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси. Для того чтобы возможно было нападать на существующие общественные отношения, нужно было сорвать с них ореол святости»¹⁷⁰.

В процитированном отрывке кроме всего прочего следует выделить мысль Энгельса об объективной необходимости религиозно-богословской формы антифеодальной борьбы. И это несмотря на то, что, как отмечает Энгельс в этой же своей работе «Крестьянская война в Германии», всякая ересь является реакционной по форме¹⁷¹.

С. Д. Сказкин писал, имея в виду восстание Дольчино, что «Иоахим и францисканские спиритуалы создали образы, удобные для выражения оппозиционного настроения»¹⁷². В еще большей степени этот вывод можно отнести к движению бегинов юга Франции.

Разумеется, характер взглядов бегинов, как и участников любых других народных движений, проявляется не только в их высказываниях, но и в конкретных действиях. Энгельс писал по поводу крестьянско-плебейской ереси, что она была «прямым выражением потребностей крестьян и плебеев» и «почти всегда сочеталась с восстанием»¹⁷³. Антикатолические выступления бегинов не переросли в восстание. Однако не надо забывать, что в период, когда борьба папства против бегинов и бегардов еще далеко не была закончена, в Южных Нидерландах и Северной Франции в 1320 г. вспыхнуло антифеодальное восстание крестьян и плебеев, имевшее отчетливо выраженную антицерковную, антикатолическую направленность¹⁷⁴. Это восстание достигло своего апогея именно в тех районах Южной Франции, где действовали бегины.

В документальных материалах той эпохи имеются сведения о связях между участниками этих двух народных движений¹⁷⁵. Бегины могли, во-первых, идейно влиять на участников вооруженного восстания 1320 г., а также непосредственно пополнять их ряды.

Что касается идеологии бегинов в целом, то следует отметить, что различные формы ересей проявлялись здесь в почти неразрывной связи. Это было следствием того факта, что воззрения бегинов имели единую теоретическую основу в виде концепций Петра Иоанна Оливи. Этим, в частности, объясняются, и панегирики в адрес Оливи, о которых мы

¹⁶⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 363.

¹⁶⁹ Там же, стр. 361.

¹⁷⁰ Там же

¹⁷¹ См. там же.

¹⁷² С. Д. Сказкин. Первое послание Дольчино, стр. 124.

¹⁷³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 362.

¹⁷⁴ См.: В. Л. Керов. Народное восстание в Южных Нидерландах и Франции в 1320 г.— «Средние века», вып. 27, 1965, стр. 145—157.

¹⁷⁵ «Histoire générale de Languedoc, avec des Notes et les Pièces justificatives», t. IV. Paris, 1742, p. 184.

говорили выше. Поэтому бегины высказывались в пользу тех францисканцев, которые поддерживали Оливи, т. е. спиритуалов.

В то же время бегины уверяли, что они не выступают против католической доктрины и догматики, как это было в действительности. Напротив, они всячески подчеркивали, что «все учение брата Петра Иоанна Оливи является истинным и католическим» («*doctrina fratris Petri Johannis Olivi tota erat vera et catholica...*») ¹⁷⁶.

Вместе с тем возникает вопрос, не существовала ли наряду с идейным влиянием Оливи также и какая-то организационная связь между ним и бегинами? В «Истории парижского университета» об Оливи говорится как о человеке, который преследовался при жизни как «глава бегардов и фратичеллов» ¹⁷⁷. Термин «глава» можно, конечно, расценить и как свидетельство приверженности бегинов и бегардов концепциям Оливи. Но в нем можно видеть и указание на какие-то непосредственные связи между Оливи и еретиками. На эту мысль наводит и то обстоятельство, что в г. Монпелье среди бегинов инквизицией была схвачена племянница Оливи по имени Алараксис Биассе де Сальвиано, которая, так же как и другие бегины, была подвергнута допросу и признала, что следует концепциям Оливи ¹⁷⁸.

Быть может, эта племянница выполняла роль какого-то связующего звена между Оливи и бегинами.

На возможное существование связей между Оливи и бегинами указывает и тот факт, что последние стремились вмешаться в полемику и теоретическую борьбу, которую вел их идейный руководитель против своих противников. В «Призвании» Напру Бонета упоминается, например, о попытках скомпрометировать Фома Аквинского. Оливи сравнивается с Авелем, а Фома — с Каином. При этом разъясняется, что если Каин убил Авеля физически, то Фома поразил Оливи в духовном смысле, нанеся свой удар против его сочинений ¹⁷⁹.

Следует отметить, что, по некоторым документам, допрашиваемые вообще причисляли Оливи к бегинам. Так, в одном из материалов тулузской инквизиции читаем, что «среди них (т. е. бегинов. — В. К.) выделялся Петр Иоанн Оливи...» ¹⁸⁰.

Из материалов инквизиции явствует, что различные группы бегинов по-разному воспринимали распространяемые среди них идеи и доктрины. Возможно, это связано с их социальной неоднородностью, а также с их местом в иерархии бегинов. «Надобно, однако, обратить внимание и отметить, — пишет Бернар Ги, — что среди упомянутых бегинов встречаются такие, которые узнали и усвоили большинство или все заблуждения и следуют им... Другие придерживаются лишь небольшого их [заблуждений] числа, однако они более привержены своим ошибочным убеждениям и взглядам, нежели первые» ¹⁸¹.

В том, что более знающие и сведущие бегины оказались менее стойкими в своих убеждениях, чем мало знающие, нет ничего удивительного. Более знающие — это несомненно более образованные. А образование мог-

¹⁷⁶ Ibid., p. 130; см. также: *Philippi a Limborch. Liber Sententiarum*, p. 304.

¹⁷⁷ Полностью этот отрывок выглядит так: «...F. Petrus Joannes Olivi... quem vivum persecuti sunt, ut caput Beguardorum et Fraticellorum...» («*Historia universitatis*», t. III, p. 535).

¹⁷⁸ См. следующий отрывок из допросов инквизиции, находящихся в «Коллекции Доат»: «Alaraxis Biasse de Salviano diocesis bitterensis, neptis fratris Petri Johannis Olivi quondam ordinis minorum, sicut per ipsius confessionem factam in iudicio legitime nobis constat... Interrogata de scriptura fratris Petri Johannis et de persona ipsius quid credit respondit inde se credere quicquid inde sancta Ecclesia determinat seu etiam determinabit...» (*R. Manselli. Spirituali e beghini. Appendice III*, p. 319).

¹⁷⁹ «The confession of Proux Boneta...», p. 42.

¹⁸⁰ *Philippi a Limborch. Historia inquisitionis...*, p. 68.

¹⁸¹ *Bernard Gui. Manuel*, t. I, p. 114.

ли получить лишь представители зажиточных слоев. Они могли колебаться в осуществлении принципов, провозглашенных бегинами, например того же способа жизни в бедности.

Бегины из числа трудящихся, безграмотных в своем большинстве, могли меньше понимать что-либо в области догматики, но, несомненно, стремились довести провозглашаемые ими принципы, прежде всего обет евангельской бедности и аскетизма, до их логического конца, т. е. осуществить на практике. Подобный аскетизм трудящихся масс, который, как отмечал Энгельс, обнаруживается «во всех средневековых восстаниях, носивших религиозную окраску», представлял собой, по его мнению, специфическую форму их революционной дисциплины: «Эта аскетическая строгость нравов, это требование отказа от всех удовольствий и радостей жизни, с одной стороны, означает выдвижение против господствующих классов принципа спартанского равенства, а с другой — является необходимой переходной ступенью, без которой низший слой общества никогда не может прийти в движение. Для того чтобы развить свою революционную энергию, чтобы самому осознать свое враждебное положение по отношению ко всем остальным общественным элементам, чтобы объединиться как класс, низший слой должен начать с отказа от всего того, что еще может примирить его с существующим общественным строем, отречься от тех немногих наслаждений, которые минутами еще делают сносным его угнетенное существование и которых не может лишить его даже самый суровый гнет»¹⁸². Следует иметь в виду, что проповедь бедности, особенно «абсолютной» и «всеобщей» бедности, имела в средние века два аспекта: во-первых, революционный, направленный на разрушение господствующего общественного строя как несправедливого; и, во-вторых, — реакционный идеализирующий бедность как совершенное состояние.

Движение бегингов не переросло в вооруженное восстание (по крайней мере если исключить возможность слияния некоторых групп бегингов — крестьян и плебеев — с участниками восстания 1320 г.), но оно играло большую прогрессивную роль. Бегингов можно причислить к тем сектам, о которых Энгельс писал, что они продолжали «революционную традицию в периоды, когда движение было подавлено»¹⁸³.

Воззрения бегингов-бедняков и их практические, конкретные действия неминуемо должны были прийти и, видимо, действительно приходили в противоречие с линией поведения, с тактикой представителей более зажиточных слоев, несомненно, составивших если не полностью, то в значительной степени руководящую группу этого движения. Но здесь нельзя не учитывать позицию самого Оливи и близких к нему людей, а после его смерти (в 1298 г.) позицию его последователей. Придерживаясь радикальных взглядов, они могли влиять в положительном смысле на линию поведения неустойчивых бюргерских элементов. Поэтому в данном случае могло иметь место объединение ереси, возникшей в среде самих трудящихся, с ересью (употребляя формулировку С. Д. Сказкина), шедшей из «верхних слоев просвещенных людей»¹⁸⁴, т. е. исходящей от лиц, принадлежавших к господствующему классу, но настроенных по отношению к нему оппозиционно.

Таким образом, из вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Движение бегингов Юга Франции — это народное еретическое движение. Его участники по своему социальному составу принадлежали к самым различным слоям деревенского и городского населения, в том числе и к зажиточным (за исключением, разумеется, феодалов). Однако большинство

¹⁸² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 377—378.

¹⁸³ Там же, стр. 363.

¹⁸⁴ С. Д. Сказкин. История — увлекательная наука, М., 1961, стр. 33.

еретиков составляли трудящиеся-крестьяне, и в особенности ремесленники. Именно о них прежде всего и больше всего говорится в материалах инквизиции, именно они являлись наиболее активной и революционной частью бегинов. Для взглядов бегинов, представлявших собой определенную мировоззренческую систему, характерна открытая и откровенная антикатолическая направленность. Бегины выступали против папы и прелатов, против накопления богатств белым духовенством и монашеством, против их разврата и роскоши. Хотя бегины и принимали некоторые католические догмы и обряды, они с еще большей энергией выступали против многих других догм и обрядов. Можно сказать, что они выступали против католической церкви и католической идеологии в целом. Это было не осозанным самими бегинами результатом их недовольства, ненависти по отношению к господствующему феодальному строю, порядки которого освящались и защищались католической религией и церковью. Это было неминуемо в обществе, где, как отмечал Энгельс, «догматы церкви стали одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты получили во всяком суде силу закона»¹⁸⁵. Но вместе с тем еретики-бегины выступали против феодализма и открыто, ибо именно в этом смысл их призывов к замене существующего строя другим, совершенным, удовлетворяющим интересы прежде всего трудящихся слоев — «царством божьим» на земле. При этом громко звучал призыв к войне с папой-антихристом, олицетворявшим тогдашнее несправедливое общество и господствующие в нем порядки, и порой к ликвидации этого общества насильственным путем. Для выражения своих взглядов и целей еретики в силу условий своего времени использовали религиозные, библейские мотивы. Шире всего еретиками использовались образы Апокалипсиса, оказавшиеся наиболее удобными для выражения их оппозиционных, революционных, можем мы сказать, настроений.

У южнофранцузских бегинов XIII—XIV вв. это не был призыв к бездействию и покорности перед всемогущим господствующей католической церковью и феодальной системы в целом¹⁸⁶.

Взгляды бегинов представляли собой ересь, включавшую в себя и городскую (бюргерскую) ересь и ересь крестьянско-плебейскую. Но преобладание в движении трудящихся слоев определило превосходство в идеологии бегинов взглядов именно крестьян и плебеев, ремесленников. Концепции переустройства общества, провозглашенные бегинами, в большей степени отвечали устремлениям трудящихся слоев, чем устремлениям и взглядам зажиточных слоев города, а может быть, и деревни. Именно бегины-бедняки стремились выразить идеи равенства, распространенные в средние века, в виде идеи равенства всех людей и равенства имуществ. Именно представители бедных слоев пытались осуществить идеи бегинов в

¹⁸⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 360.

¹⁸⁶ Но именно так, как отречение от всего земного и пассивное ожидание спасения в загробной жизни, толкуется проблема влияния идей Апокалипсиса на трудящихся средневековья в книге Эд. Бартошевича «Ангелы, сеющие смерть» (М., 1965). Разумеется, это имело место в средние века, но не всегда, не во все без исключения исторические периоды, не во всех странах, не как абсолютное правило. Автор указанной книги упоминает о существовании в средние века на Западе еретических и реформационных движений и о распространении среди его участников апокалиптических, хилястических идей (там же, стр. 86—93). Однако он отрицает возможность использования этих идей в антикатолической, антифеодальной борьбе. Он пишет, например, что «фанатичные элементы в секте Дольчино взяли верх, и бунтарские настроения потонули в мистике, порождающей безволие и пассивность» (там же, стр. 89). В то же время, как бы противореча самому себе, автор цитирует (там же, стр. 89—90) мысль Энгельса о том, что «под царством божьим Мюнцер понимал не что иное, как общественный строй, в котором больше не будет существовать ни классовых различий, ни частной собственности, ни обособленной, противостоящей членам общества и чуждой им государственной власти» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 371).

повседневной жизни. Таким образом, вся деятельность бегингов как в идеологическом, так и в конкретно-политическом плане была направлена против католицизма и феодализма и подрывала господство феодалов. Лишь в силу конкретных условий, сложившихся во Франции в конце XIII — начале XIV в., их оппозиционное движение не переросло в открытое восстание. Хотя не исключено, что бегини оказали влияние и сами приняли участие (беднейшая их часть) в народном движении 1320 г.

Особое влияние на размах движения бегингов оказали концепции вождей мятежного крыла францисканцев-спиритуалов, а именно концепции Петра Иоанна Оливи.

Не исключена возможность и организационной связи между Оливи и бегинями. Некоторые идеи Оливи сыграли большую роль в формировании взглядов зажиточной, бюргерской части городского населения. Эти взгляды в свою очередь как бы выполняли функции предбуржуазной идеологии, подготавливая почву для формирования идеологии буржуазной по мере диалектического превращения бюргерства в средневековый класс-сословие — буржуазию. Можно сказать, что в рамках движения бегингов концепции Оливи оказывали двоякое влияние на формирование антифеодальной идеологии, с одной стороны, бюргерской, предбуржуазной идеологии, а с другой, в еще большей степени идеологии крестьян и плебеев. Оба идеологических течения еще выступали как бы слитно, неразделенно, но в то же время в отношениях между ними уже начали намечаться противоречия, становившиеся все более ожесточенными по мере дальнейшего развития феодального общества и тем более его разложения.

Наиболее радикальные концепции Оливи воодушевляли и самые активные, самые радикальные группы в движении бегингов, связанные с крестьянами и плебеями. В этом случае происходило как бы соединение, слияние, и весьма плодотворное, стихийной в своей основе революционной активности масс и передовой теоретической мысли того времени. И этот синтез элементов стихийности и сознательности предопределил успех бегингов в их выступлениях против католической идеологии и церковной организации, против феодальной системы в целом.

Несомненно, кроме всего прочего, движение бегингов с точки зрения его воздействия на соотношение классовых сил того времени следует поставить в одном ряду с такими крупнейшими событиями в истории антифеодальной классовой борьбы во Франции как, с одной стороны, народное еретическое движение «папушков» 1251 г., являвшееся одновременно восстанием крестьян и плебеев, и с другой Жакерия¹⁸⁷.

Свидетельством успеха бегингов является прежде всего тот страх, который охватил господствующий класс, папство и инквизицию. Не случайно бегингов стали подвергать диким преследованиям, вплоть до сожжения на костре. Не случайно также, что рассмотрением различных проблем этого движения и его осуждением занялся очередной собор католической церкви (во Вьенне) в начале XIV в. Но это уже тема, которая должна явиться предметом специального рассмотрения.

¹⁸⁷ См. по этому вопросу: В. Л. Керов. Из истории борьбы народных масс против католической церкви в эпоху феодализма. М., 1970.